

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»
Институт права
_____
(наименование института полностью)

Кафедра «Уголовное право и процесс»
(наименование)

40.04.01 Юриспруденция
_____
(код и наименование направлению подготовки)

Уголовное право и процесс
_____
(направленность (профиль))

ВЫПУСКНАЯ КВАЛИФИКАЦИОННАЯ РАБОТА (МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ)

на тему «Защитник в уголовном судопроизводстве: процессуальное положение, проблемы участия в доказывании»

Обучающийся

Е.И. Галкина

_____
(Инициалы Фамилия)

_____
(личная подпись)

Научный
руководитель

канд. юрид. наук, доцент, О.Е. Репетева

_____
(ученая степень (при наличии), ученое звание (при наличии), Инициалы Фамилия)

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1 Правовая природа защиты и общая характеристика процессуального положения защитника в уголовном процессе Российской Федерации	9
1.1 Процессуальная природа защиты как реализация принципов уголовного судопроизводства	9
1.2 Круг лиц, выступающих в качестве защитников. Правовой статус защитника	18
Глава 2 Участие защитника в досудебном производстве	28
2.1 Вступление защитника в уголовное дело.....	28
2.2 Формы участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела	35
2.3 Формы участия защитника в стадии предварительного расследования.....	40
Глава 3 Проблемы участия защитника в судебном производстве и в доказывании.....	49
3.1 Вопросы участия защитника в судебном производстве	49
3.2 Подготовка и произнесение защитительной речи	56
3.3 Проблемные аспекты участия защитника в доказывании и пути их решения	71
Заключение	81
Список используемой литературы и используемых источников.....	87

Введение

Актуальность.

Особое место в уголовном судопроизводстве занимает право на защиту, ключевой гарантией обеспечения которого является защитник обвиняемого (подозреваемого и др.). Уголовно-процессуальный статус защитника находится в поле пристального внимания законодателя и научной общественности, так как невозможность пользования предоставляемыми ему правами, исполнение им обязанностей и несения ответственности значительно снижает его роль в решении задач уголовного судопроизводства.

Несмотря на то, что законодатель не оставляет попыток урегулирования спорных вопросов участия защитника в уголовном процессе, практика сталкивается с рядом проблем, требующих особого внимания ученых. Можно отметить некоторых из проблем, наличие которых обуславливает актуальность и своевременность обращения к заявленной теме магистерского исследования.

Во-первых, продолжает оставаться проблемным институт допуска защитника по назначению в уголовный процесс на этапе решения возбуждения уголовного дела. Так, внесенные Федеральным законом от 14 февраля 2024 года № 9-ФЗ [138], уточнения в статьи 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации направлены на реализацию права на защиту уже на этапе проверки сообщения о преступлении. Однако не решенным остается вопрос допуска защитника по назначению на этапе решения о возбуждении уголовного дела, так как положения п. 6 ч. 3 ст. 49 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в их системном толковании со статьями 50-53 и 144 уголовно-процессуального закона остаются недоработанными и малоэффективными. Более того, по сей день не урегулированы порядок и условия привлечения защитника лицу, в отношении которого ведутся процессуальные действия.

Во-вторых, доказательственная деятельность стороны защиты

обеспечивает реализацию состязательности и равноправия сторон, служит гарантией полноты, всесторонности и объективности установления обстоятельств совершения конкретного преступления. Более того, в доктрине все чаще озвучивается позиция, признающая участие стороны защиты в доказывании ни правом, а ее обязанностью (З.В. Макарова) [71, с. 202, 203].

Однако, несмотря на важность и необходимость участия защитника в доказательственной деятельности, его возможности ограничены по сравнению с возможностями стороны обвинения, что создает неравное положение сторон в процессе и затрудняет эффективную защиту прав и законных интересов подзащитных. Кроме того, реализация права защитника на собирание доказательств опосредована деятельностью дознавателя, следователя и прокурора для которых это является обязанностью. Результатом такого положения является зависимость стороны защиты от стороны обвинения в вопросе приобщения к уголовному делу собранных доказательств. Общая уязвимость собранных стороной защиты доказательств состоит также в отсутствии правовой регламентации порядка их оценки, способов сбора, т.е. в целом, сформированного должного организационно-правового механизма, обеспечивающего такую деятельность. Более того, закрепленные в ч. 3 ст. 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации способы сбора доказательств защитником законодатель не включает в систему доказательств, закрепленную в ч. 2 ст. 74 уголовно-процессуального закона.

В-третьих, одним из пробелов действующего уголовно-процессуального законодательства в части регулирования деятельности защитника, является отсутствие законодательно установленных требований к защитительной речи, которая является важнейшей и обязательной формой реализации защитником своей обязанности по отстаиванию права и законных интересов доверителя.

В-четвертых, одной из важнейших гарантий деятельности защитника является сохранение адвокатской тайны. Однако уголовно-процессуальный закон недостаточно четко определил границы адвокатской тайны и механизмы ее защиты. На практике возникают ситуации, когда следователи, дознаватели

и суды пытаются получить доступ к информации, составляющей адвокатскую тайну, под предлогом расследования уголовного дела. Это нарушает право на защиту и подрывает доверие к институту адвокатуры.

Таким образом, обозначенные и другие вопросы, еще раз подчеркивают актуальность исследования процессуального положения защитника в уголовном судопроизводстве.

Степень изученности темы.

Уголовно-процессуальный статус защитника является одним из активно исследуемых вопросов в уголовно-процессуальной науке.

В монографических и диссертационных работах исследуются теоретические и практические аспекты деятельности защитника в стадии предварительного расследования (В.Ю. Резник [124], И.А. Насонова [89]), в производстве по делам с участием присяжных заседателей (А.В. Хомякова [147], Л.С. Ярцева [159]), коллизионная защита (И.З. Коробов [57]), защитник как субъект уголовного процесса (А.П. Рыжаков [125]), его права и обязанности (А.П. Рыжаков [126]) и др.

В научной периодике рассматриваются отдельные аспекты процессуального положения защитника в уголовном процессе (В.Г. Бессарабов, М.А. Косарев [17], С.И. Вершинина [66], Н.Ю. Волосова [23], В.Д. Потапов [121], Ю.И. Соловьева [131], С.В. Юношев [156]), выявляются проблемы его участия в досудебном (А.С. Вражнов [24], И.В. Овсянников [94], Я.П. Ряполова [128]), судебном производстве (М.В. Маслова [78]; [79]) и другие вопросы [160]; [161]; [162]; [163]; [164]; [165].

Вопросы, связанные с участием защитника в доказывании, уже не раз становились предметом научных исследований (см., например: О.А. Малышева [74], С.В. Заика [38], И.Н. Чеботарева [149]), при этом, подходы к решению данной проблемы, существенно различаются. В то же время, единого решения данных проблем так и не выработано.

В целом, несмотря на большое внимание научной общественности к вопросам, связанным с уголовно-процессуальным положением защитника,

многие проблемы дискуссионного характера остаются не решенными, что актуализирует дальнейшие исследования.

Объект исследования - общественные отношения, возникающие в уголовном судопроизводстве при реализации подозреваемыми и обвиняемыми их права на защиту.

Предмет исследования – нормы права, регламентирующие уголовно-процессуальное положение защитника, доктринальные источники и материалы правоприменительной практики, позволяющие раскрыть тему магистерской диссертации.

Цель исследования – научно-правовой анализ процессуального положения защитника в уголовном процессе и разработка научно-обоснованного комплексного подхода к его участию в собирании доказательств, выявление проблем и разработка путей их решения.

Задачи исследования:

- определить процессуальную природу защиты;
- выявить круг лиц, которые могут выступать в качестве защитников анализ его правового статуса;
- определить особенности вступления защитника в уголовное дело;
- выявить и осуществить анализ форм участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела;
- рассмотреть формы участия защитника в стадии предварительного расследования;
- охарактеризовать деятельность защитника в судебном производстве;
- исследовать проблемы, возникающие при подготовке и произнесении защитительной речи;
- выявить проблемные аспекты участия защитника в доказывании и наметить пути их решения.

Методологическую основу исследования процессуального положения защитника в уголовном процессе составили общенаучные методы, в том числе, диалектический метод, методы анализа и синтеза. Применялись частно-

научные методы, в числе которых систематизация и толкование юридических норм.

Теоретическую основу исследования составили труды таких авторов, анализирующих проблемы процессуального положения защитника и его участие в доказывании, как М.О. Баева, М.Ш. Бакашева, Б.Т. Безлепкина, Е.С. Беляевой, Д.М. Беровой, В.Г. Бессарабова, В.К. Ботнева, М.Ш. Буфетовой, П.В. Вдовцева, С.И. Вершининой, Н.Ю. Волосовой, А.С. Вражнова, М.М. Выдря, Е.П. Гришиной, А.А. Давлетова, А.А. Дорошевой, М.А. Жадяевой, Т.З. Зинатуллина, Ю.В. Кореневского, И.З. Коробова, С.В. Купрейченко, В.А. Лазаревой, М.В. Лифанова, Н.А. Логинова, П.А. Лупинской, З.В. Макаровой, Н.С. Мановой, М.В. Масловой, И.А. Насоновой, И.В. Овсянникова, М.В. Парфеновой, В.С. Попова, А.П. Рыжакова, Я.П. Ряполовой, Г.И. Сибирцева, И.Я. Фойницкого, В.М. Харзиновой, Г.П. Химичевой, А.Б. Шаповал, С.В. Юношева и др.

Научная новизна работы раскрывается в положениях, выносимых на защиту:

- предложено определение уголовно-процессуальной защиты;
- в уголовный процесс в качестве защитников целесообразно привлекать только лиц, из числа адвокатов, что гарантировало бы оказание квалифицированной юридической помощи. Для решения выявленной проблемы необходимо в ч. 2 ст. 49 УПК РФ внести соответствующие изменения;
- предложено расширить понятие защитника в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, дополнив ее указанием на лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении;
- необходимо следователя наделить обязанностью обеспечить условия для проведения свидания защитника с подозреваемым/обвиняемым в условиях конфиденциальности и ч. 2 ст. 38 УПК РФ дополнить п. 5.1 следующего содержания:
«5.1) принять меры по обеспечению свидания защитника с

подозреваемым, обвиняемым наедине и конфиденциально;».

- целесообразно ч. 2 ст. 69 УПК РФ дополнить указанием на защитника, который может заявить отвод переводчику в случае обнаружения его некомпетентности;
- необходимо в ст. 5 УПК РФ закрепить легальное определение краткой консультации защитника, как консультации, которые не содержат ответы на поставленные следователем вопросы. Данное нововведение позволило бы предотвратить допускаемые защитниками злоупотребления, когда они диктуют своим доверителям полный ответ на поставленный следователем вопрос при допросе;
- главу 38 УПК РФ следует дополнить отдельной статьей, в которой предусмотреть содержание защитительной речи и перечень запретов, которые не допускается использовать в речи.

Магистерская диссертация включает в себя введение, три главы, заключение и список используемой литературы и используемых источников.

Глава 1 Правовая природа защиты и общая характеристика процессуального положения защитника в уголовном процессе Российской Федерации

1.1 Процессуальная природа защиты как реализация принципов уголовного судопроизводства

Процессуальная природа защиты заложена в таком одном из фундаментальных прав каждого, как право на защиту, признающегося по словам С.В. Юношева, «оплотом демократического и состязательного уголовного судопроизводства» и выступающего «индикатором самого государства, его политического режима» [155, с. 52]. В историческом аспекте данное право уже можно было найти в Кутюмах Бовези 1282 года, в которых предписывалось лицам, незнакомым с правом, обращаться за помощью к адвокатам [60]. Право обвиняемых на наличие защитника провозглашалось в Декларации прав человека и гражданина, принятой в результате Французской революции 1789 года.

В современной правовой действительности право на защиту гарантируется общепризнанными принципами и нормами международного права, среди которых можно назвать:

- Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси (п.п. «d» и «e» ст. 16) [136];
- Всеобщая декларация прав человека (ч. 1 ст. 11) [25];
- Международный пакт о гражданских и политических правах (пп. «b» п. 3 ст. 2) [81];
- Основные принципы, касающиеся роли юристов (п. 1) [107].

Действующая Конституция Российской Федерации [55] в ч. 2 ст. 45 провозглашает право каждого защищать свои права и свободы любыми

способами, не запрещенными законом. Статья 48 Основного закона каждому гарантирует право на получение квалифицированной юридической помощи.

В уголовном судопроизводстве законодатель защиту прав и законных интересов потерпевших и личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения - обозначил в качестве назначения уголовного процесса (см. ст. 6 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее – УПК РФ) [135]).

Кроме того, провозглашенное в ст. 16 УПК РФ в качестве принципа уголовного судопроизводства право подозреваемого и обвиняемого на защиту является не просто формальностью, а фундаментальной гарантией, которая обеспечивает возможность полноценно оспаривать предъявленное обвинение, представлять доказательства в свою пользу и участвовать в процессе принятия решений, влияющих на его судьбу. Этот принцип пронизывает все стадии уголовного процесса, от момента задержания до вынесения окончательного приговора (Постановление Конституционного Суда РФ от 26 декабря 2003 года № 20-П [115], п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 29 [119]).

Конституционный Суд РФ в Постановлении от 27 июня 2000 года № 11-П связывает нуждаемость лица с его фактическим положением, при котором «его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным» [116].

Научная общественность право на защиту рассматривается как собирательное понятие, включающее процессуальные возможности подозреваемого/обвиняемого, подсудимого осуществлять свою защиту и корреспондирующая данному праву обязанность его обеспечения дознавателем, следователем, прокурором, судьей [143, с. 17].

Защитительная деятельность исследовались еще дореволюционными учеными [142, с. 59]. По мнению М.М. Выдря цель уголовно-процессуальной защиты - противодействие неправомерным действиям по отношению к участнику процесса [26, с. 23].

В.А. Лазарева, В.В. Иванов и А.К. Утарбаев уголовно-процессуальную защиту определяют, как «совокупность процессуальных действий, осуществляемых заинтересованными участниками уголовного судопроизводства, а также субъектами, обладающими властными полномочиями и защищающими права и интересы потерпевшего, обвиняемого и других лиц» [64, с. 25].

Однако, М.В. Парфенова считает, что государственные органы осуществляют не защиту, а охрану прав участников уголовного процесса [108, с. 184] или, по словам, И.А. Насоновой обеспечивают их права [87, с. 106].

При этом, как можно заметить никем не оспаривается тот факт, что сущность защиты состоит в деятельности. Данное утверждение позволяет согласиться с возможностью отождествления защиты и защитительной деятельности [76, с. 83].

И.А. Насонова при определении защиты в уголовном процессе также исходит из того, что в ее основе заложены научные представления о деятельности. При этом сама защита и является разновидностью деятельности вообще [86, с. 144].

Рассматривая уголовно-процессуальную защиту как деятельность, следует обратиться к научным представлениям о деятельности как таковой.

Как известно, деятельность является одной из фундаментальных категорий философского знания, охватывающая активное, целенаправленное взаимодействие человека с окружающим миром. Она представляет собой способ существования и развития человеческого общества, основу формирования культуры и цивилизации. В отличие от простого движения или реакции на внешние раздражители, деятельность подразумевает наличие сознательной цели, планирование, выбор средств и методов ее достижения, а

также рефлексию над результатами. Так, в философской энциклопедии деятельность определяется как «специфическая форма активного отношения к окружающему миру, содержание которой составляет его целесообразное изменение и преобразование» [90]. Как можно заметить, философское осмысление деятельности выходит за рамки простого описания человеческих действий. Оно затрагивает вопросы о смысле деятельности, ее ценности, ее соотношении с другими формами человеческого существования. Для деятельности характерны ряд признаков:

- активность, то есть проявление энергии и инициативы в процессе деятельности;
- целесообразность, т.е. преследование достижения определенной цели. Эта цель может быть материальной, духовной, социальной или любой другой [32, с. 13];
- сознательность, т.е. сознательное участие человека в процессе. Это означает, что человек осознает свои цели, мотивы, средства и возможные последствия своих действий [127, с. 44];
- структурированность, т.е. наличие определенной структуры, набора последовательных действий [32, с. 13].

Что касается непосредственно защитительной деятельности в уголовном процессе, то по справедливому замечанию Л.Н. Малаховой, таковой деятельность является в виду своей целевой направленности [73, с. 7].

При этом, И.А. Насонова определяет защитительную деятельность как «упорядоченную совокупность действий, направленных на достижение определенной цели» и которая содержательно состоит из таких элементов, как «субъекты», «полномочия», «средства», «способы», «действия», «цель», «объект» [86, с. 144]. Далее автор рассматривает каждый из обозначенных элементов защитительной деятельности.

Важным признаком защитительных действий является их осуществление в соответствии с требованиями УПК РФ.

Объектами уголовно-процессуальной защита И.А. Насонова называет права и законные интересы, которым может быть или причинен вред в результате уголовного преследования [88, с. 168]. Объектом уголовно-процессуальной защиты являются гарантированные Конституцией РФ и УПК РФ права подозреваемого, обвиняемого, подсудимого.

Относительно субъекта и целей уголовно-процессуальной защиты в науке не сложилось слаженной позиции.

К примеру, И.А. Насонов считает, что субъектами защитительной деятельности являются лица, как нуждающиеся, так и оказывающие защиту. При этом, такие лица не обладают властными полномочиями [86, с. 144]. К первым, т.е. нуждающимся в защите, автор относит всех лиц, вовлекаемых в уголовно-процессуальную деятельность [86, с. 144]. В.Л. Григорян несколько сужает субъектный состав лиц, нуждающихся в защите, считая, что таковыми могут быть только лица, привлекаемые или привлеченные к уголовной ответственности [27, с. 142].

Верховный Суд РФ в п. 1 Постановления от 30 июня 2015 года № 29 привел перечень лиц, обладающих правом на защиту, а также указал, что таковым может быть любое иное лицо в независимости от его формального процессуального статуса, права и свободы которого затрагиваются обвинительной деятельностью.

Следует согласиться с позицией правоприменителя, так как по справедливому замечанию С.В. Юношева, право на защиту «не может ставиться в зависимость от наличия или отсутствия формального процессуального статуса лица, нуждающегося в такой помощи» [155, с. 53].

Круг лиц, выступающих в качестве защитника, подробно будет рассмотрен в следующей части настоящей магистерской диссертации.

С вопросом о субъектном составе защитительных действий связан вопрос об их целях, который ученые решают по-разному.

Так, И.А. Насонова целью защиты видит отстаивание прав и законных интересов всех лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство [86, с. 145],

то есть определяет ее широко, не ограничивая обеспечением интересов лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность.

Несколько иную точку зрения высказывает М.О. Баев, считая, что цель уголовно-процессуальной защиты состоит в опровержение обвинения посредством выявления оправдывающих или смягчающих ответственность лица обстоятельств (М.О. Баев) [11, с. 10].

Н.С. Манова и Г.И. Сибирцев, также полагают, что цель защиты – это опровержение обвинения [76, с. 85].

Чтобы разобраться с указанной проблемой, необходимо рассмотреть функцию защиты, при реализации которой, проявляется сущность защитительной деятельности.

Рассматривая уголовно-процессуальную защиту как деятельность и допуская возможность ее отождествления с защитительной деятельностью, Н.С. Манова и Г.И. Сибирцев одновременно с этим считают недопустимым смешение защитительной деятельности с функциями защиты и институтом защиты [76, с. 83].

В научно-правовой оборот термин «уголовно-процессуальная функция» был введен И.Я. Фойницким [141, с. 13].

Современные ученые уголовно-процессуальную функцию понимают, как направление, вид уголовно-процессуальной деятельности [133, с. 188], «полномочия суда и сторон осуществлять в пределах своей компетенции только определенный вид уголовно-процессуальной деятельности согласно их роли в состязательном уголовном процессе» [157, с. 580]. В этом подходе акцент делается на целевой направленности деятельности участников процесса, где главной целью является справедливое разрешение уголовного дела. Другие исследователи рассматривают процессуальную функцию как назначение и роль участников уголовного процесса в соответствии с регламентированными УПК РФ направлениями их деятельности [154, с. 54-55]. В данном случае акцент делается на субъекте деятельности и его процессуальном статусе. По мнению другой группы процессуалистов,

осуществление процессуальных функций не обуславливается правовой регламентацией процессуального положения конкретного субъекта, а зависит от выбора им направления деятельности [84, с. 73].

Г.П. Химичева исходит из того, что каждый субъект уголовно-процессуальной деятельности является носителем конкретных функций, в независимости от того образуют ли данные функции основу уголовного судопроизводства или не имеют такого значения. Поэтому, Г.П. Химичева предлагает рассматривать процессуальные функции как «направления процессуальной деятельности, осуществляемой участниками уголовного судопроизводства посредством реализации их прав и обязанностей» [146, с. 49].

Относительно видов уголовно-процессуальных функций УПК РФ определено в ч. 2 ст. 15 выделяет следующие три функции:

- функция обвинения;
- функция защиты;
- функция разрешения уголовного дела.

Названные выше функции друг от друга отделены. О недопустимости их подмены одна другой отмечал еще в конце XIX столетия А. Чебышев-Дмитриев [150, с. 10]. Каждый участник процесса должен выполнять свои законные обязанности, не вмешиваясь в деятельность других участников процесса [34, с. 59]. Кроме того, разделение процессуальных функций лежит в основе понимания принципа состязательности сторон [148, с. 43].

Что касается непосредственно функции защиты, то действующий уголовно-процессуальный закон не дает ее легального определения.

И.Я. Фойницкий функцию защиты определял как отыскание «антитезиса, который, противопоставляясь обвинительному тезису, содействует разъяснению дела и постановлению по нему справедливого решения» [141, с. 14].

В современной доктрине большинство процессуалистов под таковой понимают «деятельность по оспариванию причастности лица к совершенному

преступлению, полному или частичному опровержению обвинения/подозрения, возражению против гражданского иска, приведению доводов о несоразмерности ограничений прав и свобод лица, подвергаемого уголовному преследованию» [33, с. 5]; [69, с. 49].

В уголовном процессе термин «защита» используется как «антипод уголовному преследованию» [30, с. 9], так как функция защиты в п. 45 ст. 5 УПК РФ упомянута как защита только от обвинения. Как справедливо подмечает А.М. Ларин, «защита мыслима лишь постольку, поскольку существует обвинение, от которого нужно защищаться» [65, с. 29], [54].

Т.З. Зинатуллин считает, что функция защиты появляется одновременно с функцией уголовного преследования [40, с. 46], а С.В. Купрейченко – с появлением у уголовно преследуемого лица права на защиту, т.е. учитывается фактическое положение лица [59, с. 125].

Следует также обратить внимание на то, что в п. 46 ст. 5 УПК РФ, прямо указаны субъекты, осуществляющие функцию защиты.

Однако, как упоминалось выше, субъектами права на защиту являются все лица, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность, независимо от их формального процессуального статуса. В связи с чем, можно говорить о том, что уголовно-процессуальная защита шире, чем функция защиты, которая ограничена лицами, прямо обозначенными в п. 46 ст. 5 УПК РФ, т.е. имеющие определенный процессуальный статус.

Изложенное позволяют определить сущность уголовно-процессуальной функции защиты в ее противодействии обвинению (подозрению), представленному стороной обвинения. Защита направлена на установление истины по делу, но не в абстрактном смысле, а в контексте защиты конкретного лица от необоснованного или чрезмерно сурового уголовного преследования.

Разграничение функции защиты от функции обвинения является ключевым элементом состязательности процесса. Обвинение и защита,

выступая как равноправные стороны, каждая имеет право представлять свои доказательства.

В целом, функция защиты – это деятельность стороны защиты, противостоящая уголовному преследованию и состоящая в опровержении обвинения/подозрения полностью или в части.

Уголовно-процессуальную защиту не следует отождествлять с институтом защиты, под которым понимают совокупность правовых норм, регулирующих «деятельность субъектов защиты, ориентированную на отстаивание и охрану прав, свобод и законных интересов подозреваемого и обвиняемого и регламентирующих правоотношения, возникающие в связи с этой деятельностью» [27, с. 11-12].

Н.С. Манова и Г.И. Сибирцев выделяют ряд признаков уголовно-процессуальной защиты:

- независимость, которая подразумевает свободу защитника от любого незаконного влияния, давления или вмешательства со стороны государственных органов, должностных лиц, потерпевших или любых других заинтересованных сторон [129, с. 9]. Гарантии независимости адвоката, призваны создать условия, при которых защитник может эффективно выполнять свои профессиональные обязанности, руководствуясь исключительно законом и этическими нормами адвокатской профессии;
- квалифицированность, т.е. возможность осуществления защиты в уголовном процессе лицом, имеющим статус адвоката (ст. 42 УПК РФ);
- лица, не имеющие статуса адвоката, могут участвовать в качестве защитника вместе с адвокатом;
- конфиденциальный и доверительный характер, обеспечиваемые гарантией адвокатской тайны. Конфиденциальность информации, сообщенной адвокату доверителем, является незыблемым принципом, защищающим доверительные отношения между

- адвокатом и его клиентом. Разглашение адвокатской тайны недопустимо и влечет за собой юридическую ответственность;
- урегулирована законом в части момента и способов вступления защитника в дело, его процессуальный статус, случаи обязательного участия и отводы;
  - цель – защита лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность [76, с. 83-85].

Таким образом, уголовно-процессуальная защита является ключевым элементом справедливого и демократического правосудия, гарантирующим соблюдение принципа презумпции невиновности и состязательности сторон. Ее сущность заключается в создании системы гарантий, позволяющих лицу, эффективно отстаивать свои права и интересы. Проведенный анализ, позволяет сформулировать следующее определение уголовно-процессуальной защиты: «упорядоченная совокупность независимых действий, установленных УПК РФ, имеющие конфиденциальный и доверительный характер, осуществляемые стороной защиты и направленные на защиту лиц, права и свободы которых затрагиваются или могут быть осуществляемой против них обвинительной деятельности, независимо от их формального процессуального статуса».

1.2 Круг лиц, выступающих в качестве защитников. Правовой статус защитника

Определившись с понятием уголовно-процессуальной защиты, в данной части настоящего исследования следует рассмотреть вопрос о том, кто может выступать в качестве лица, осуществляющего защиту и его процессуальный статус.

В части 1 ст. 49 УПК РФ прямо сказано, что защиту прав и интересов подозреваемых и обвиняемых осуществляет защитник, который также

оказывает указанным лицам и юридическую помощь при производстве по уголовному делу.

Из данного определения можно выделить следующие признаки защитника.

Во-первых, защитник – это лицо. В части 2 ст. 49 УПК РФ приведен конкретный круг лиц, которые могут выступать в качестве защитника:

- адвокаты;
- один из близких родственников обвиняемого;
- иное лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый.

Что касается адвоката, то под таковым понимается лицо, получившее в установленном Федеральным законом «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» [140] порядке статус адвоката (п. 1 ст. 2, п. 1 ст. 1 ФЗ об адвокатуре). Следует отметить, что адвокатом может быть только физическое лицо.

В уголовном процессе адвокат может иметь процессуальный статус защитника, представителя потерпевшего, гражданского ответчика, гражданского истца и адвоката, к примеру, свидетеля. В зависимости от процессуального статуса в уголовном процессе адвокат может именоваться защитником, представителем или адвокатом [158, с. 82].

Уголовно-процессуальный закон в ч. 2 ст. 49 защитником называет лицо, которое имеет статус адвоката, а также близких родственников подзащитного и иных лиц, не имеющих адвокатского статуса. Такие лица могут быть допущены только наряду с адвокатом. Такая позиция законодателя объясняется тем, что как справедливо отмечает С.В. Юношев, «без права на профессиональную юридическую помощь со стороны адвоката – защитника немислимо не только собственно право на защиту, но и правосудие как таковое» [155, с. 52].

Рассматриваемые лица допускаются в судебное заседание по ходатайству обвиняемого. Положения ст. 49 УПК РФ не предполагают право суда произвольно - без учета обстоятельств конкретного дела отклонять

соответствующее ходатайство обвиняемого (Определения Конституционного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2005 года № 208-О) [100].

Например, судом было установлено, что Л.С.С. близким родственником Ж. не являлась, юридического образования не имела, правозащитной деятельностью не занималась. Участие Л.С.С. в уголовном деле было обусловлено необходимостью сбора и передачи документов, снятие копий с материалов уголовного дела, что никак не связано с осуществлением функций защитника. При этом Ж. был обеспечен квалифицированной юридической помощью, которую оказывал в суде адвокат на профессиональной основе. Данное обстоятельство послужило поводом для отказа Ж. в допуске Л.С.С. в качестве защитника наряду с адвокатом [106].

В другом примере отказ в удовлетворении ходатайства был обоснован тем, что осужденный был обеспечен помощью профессиональных адвокатов [51].

Суд вправе не допустить к участию в деле лицо, о допуске которого ходатайствует обвиняемый, если поведение такого лица, свидетельствует о злоупотреблении им правом, неуважении к суду, препятствует осуществлению иными участниками процесса своих прав и обязанностей (п. 2.1 Определения Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 г. № 708-О [102]).

Таким образом, в досудебном производстве в качестве защитников могут быть только лица, имеющие статус адвоката, а в судебном – адвокат и иные лица.

Во-вторых, защитник осуществляет защиту и юридическую помощь.

Интересен следующий пример из практики.

Так, в качестве защитника К. наряду с адвокатом к участию в деле была допущена Карапетян И.Э. Сведений о том, что К. отказался от защитника Карапетян И.Э., в материалах уголовного дела не имелось. На судебное заседание, назначенное на ДД.ММ.ГГГГ Карапетян И.Э. не явилась, известив суд, что она болеет, находится на больничном, ходатайствует о переносе судебного заседания, указав также, что больничный лист открыт до

ДД.ММ.ГГГГ. Суд апелляционной инстанции отложил судебное заседание на ДД.ММ.ГГГГ, но не для обеспечения явки Карапетян И.Э., а для обеспечения разрешения ходатайства осужденного об исследовании доказательств, рассмотрев в этот день дело в отношении К. без участия его защитника Карапетян И.Э.

Суд отклонил ходатайства об отложении судебного заседания для обеспечения участия защитника наряду с адвокатом, мотивировав это тем, что интересы К. защищает профессиональный адвокат. Однако данное решение противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ [47].

Как видно из приведенного примера, защиту в уголовном процессе осуществляет только защитник, принявший на себя защиту и обладающий соответствующим процессуальным статусом.

Из части 1 ст. 49 УПК РФ следует, что защитник осуществляет два вида деятельности: защиту и оказание юридической помощи. Что касается защиты, то в предыдущей части настоящей работы данная деятельность была подробно рассмотрена.

Относительно категории «юридическая помощь» высказана позиция Конституционным Судом РФ, согласно которой, таковая включает не только деятельность защитника в досудебном и судебном разбирательстве, но и дача им консультаций, составление жалоб, правовых документов, представительство (Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 г. № 128-О) [97].

А.П. Рыжаков, разграничивая понятия «юридическая помощь» и «защита», считает, что «защита» применяется к случаям, когда защитник сам осуществляет защиту прав и законных интересов подзащитного. Юридическую помощь защитник оказывает подзащитному в части реализации последним самостоятельно своего права на защиту. При этом разграничение данных понятий целесообразно только в учебных целях [125]. В целом же, юридическая помощь оказывается защитником в рамках осуществляемой им

защиты, т.е. является одной из составляющей его защитительной деятельности.

Не признается нарушением права на защиту, когда не допускаются в качестве защитников иные лица, несоответствующие законным требованиям [48]. При этом, УПК РФ не предусматривает конкретных критериев оценки возможности участия близких родственников и иных лиц в качестве защитников. Данные вопросы вызывают критику среди ученых, считающих необходимым отказаться в УПК РФ от возможности привлечения таких лиц в качестве защитников [15, с. 42]; [110, с. 233].

По мнению А.М. Попова, право на привлечение в качестве защитника близких родственников зачастую используется не с целью осуществления защиты, а с целью получения неограниченного количества свиданий [109, с. 231].

В связи с существующими проблемами, Конституционный Суд РФ, ссылаясь на ст. 48 Конституции РФ, в которой гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи, указал на то, что данное право «не предполагает участия в уголовном процессе любого лица в качестве защитника» [113]. Однако, отказать в предоставлении обвиняемому данного права суд может только при наличии существенных оснований (п. 2.2 Определения Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 г. № 754-О [103]). Что касается требований к лицам, привлекаемым в качестве защитников помимо адвоката, то в УПК РФ таковые отсутствуют. Еще более осложняется выявленная проблема отсутствием легального определения квалифицированной юридической помощи.

В юридической науке квалифицированная юридическая помощь понимается по-разному. В частности, таковой признается, если ее оказывает лицо, которое:

- обладает соответствующей компетенцией и деликтоспособно за осуществляемые им действия и принимаемые решения в рамках предоставленных ему полномочий [39, с. 20];

- имеет высшее юридическое образование, стаж юридической деятельности и несет ответственность за качество оказываемых услуг [130, с. 84];
- имеет соответствующий уровень образования, профессиональные навыки и опыт работы в уголовно-правовой сфере [67, с. 124].

Исходя из приведенных подходов к юридической помощи, можно обозначить ряд требований, которые должны предъявляться к лицу, отказывающему квалифицированную юридическую помощь в уголовном процессе в качестве защитника:

- должно обладать определенным объемом знаний и навыков, подтвержденных посредством профессионального квалификационного экзамена;
- в своей деятельности должно руководствоваться Стандартом осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве [132]. Однако, защитники-непрофессионалы, в отличие от адвокатов, названного Стандарта не обязаны придерживаться;
- должны нести ответственность за качество оказываемой юридической помощи. Такая ответственность установлена в ч. 2 ст. 77 Федерального закона об адвокатуре применительно к адвокатам;
- обязано соблюдать Кодекс профессиональной этики адвоката [54].

Приведенные требования, позволяют согласиться с тем, что юридическая помощь, оказываемая непрофессиональными защитниками, не является квалифицированной. Поэтому, в уголовный процесс в качестве защитников следовало бы привлекать только лиц, из числа адвокатов, что гарантирует оказание им квалифицированной юридической помощи [67, с. 126]. Представляется для решения выявленной проблемы необходимо в ч. 2 ст. 49 УПК РФ внести соответствующие изменения.

Исходя из положений ст. 49 УПК РФ в действующей редакции, защитника можно определить, как физическое лицо, имеющее статус адвоката и не имеющее такого статуса, но допущенное наряду с адвокатом по

ходатайству обвиняемого и осуществляющее защиту в уголовном процессе лиц, в отношении которых осуществляются обвинительные действия.

Правовой статус защитника определяется его местом в уголовном судопроизводстве среди других участников. Прежде всего, следует отметить, что защитник в уголовном процессе относится к стороне защиты и является самостоятельной процессуальной фигурой, действующей в интересах подзащитного, от своего лица [91], но наиболее свободная и независимая [144, с. 104].

Под правовым статусом защитника в уголовном процессе понимают «совокупность правовых норм, определяющих не только обязанности защитника и его полномочия, но и ответственность защитника за неисполнение либо ненадлежащее исполнение возложенных на него обязанностей» [58, с. 10].

Права и обязанности защитника закреплены в ст. 53 УПК РФ, которой их перечень не ограничивается. Ввиду достаточно большого количества предоставляемых законом прав защитника в науке предпринимается попытки их дифференциации. К примеру, А.П. Рыжаков предлагает все права защитника в уголовном процессе разделить на права:

- одинаковые с правами других участников уголовного процесса;
- как участника следственного действия;
- одинаковые с правами подзащитного;
- специфические, например: знать, в чем обвиняется (подозревается) подзащитный; заявлять самоотвод (ч. 1 ст. 62 УПК РФ); привлекать специалиста и др. [126].

Подробно права защитника будут исследованы в следующих частях магистерской диссертации применительно к его участию в досудебном и судебном производстве. В данной части исследования относительно прав защитника следует отметить, что характер его полномочий включает не только полномочия, характерные непосредственно для защитника (п. 5-8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), но и полномочия, свойственные для адвоката-представителя в

состязательном процессе, включающие право собирать и представлять доказательства, привлекать специалиста (п. 2,3 ч. 1 ст. 53, п. 2.1. ст. 58, ч. 2 ст. 86 УПК РФ). Однако данные действия защитника зависят от усмотрения должностного лица, которому он обязан предъявлять собранные им (защитником) доказательства.

Д.А. Липинский и С.И. Вершинина, рассматривая право защитника на сбор доказательств, обращают внимание на то, что «если различные документы, справки и т.п. обязательны для предоставления защитнику в рамках осуществления сбора доказательств, то в его правовом статусе прослеживаются некоторые черты представителя власти» [66, с. 15]. При этом, вместе с полномочиями на субъект должны возлагаться обязанности и ответственность. Уголовно-процессуальные обязанности защитника закреплены в частях 5-7 ст. 49 УПК РФ и в ч. 3 ст. 53 УПК РФ. Однако, по справедливому замечанию А.А. Щербаковой, данные обязанности не имеют четкой регламентации [153, с. 19]. Такая ситуация объясняется некоторыми учеными тем, что при определении обязанностей защитника следует в целом руководствоваться положениями УПК РФ, Федерального закона об адвокатуре. Однако в названных законодательных актах отсутствуют даже такие общие формулировки, как «использовать иные не запрещенные настоящим Кодексом средства и способы защиты», «обязан не злоупотреблять представленными ему правами».

Изложенное позволяет говорить об отсутствии разумного баланса прав и обязанностей защитника, который, будучи не обремененным соразмерными его правам обязанностями, может злоупотреблять своим положением, затягивая судебные процессы, представляя ложные доказательства, оказывая давление на свидетелей и препятствуя установлению истины. Такое положение не только подрывает доверие общества к правосудию, но и создает ситуацию, при которой преступники могут избежать наказания, а невиновные – быть осуждены. Разумный баланс прав и обязанностей защитника является краеугольным камнем справедливого и эффективного уголовного

судопроизводства. Права защитника, безусловно, должны быть гарантированы и защищены, однако они не должны быть абсолютными и неограниченными. Права защитника должны быть уравновешены его обязанностями, которые должны включать такие обязанности, как соблюдать закон, представлять интересы своего подзащитного добросовестно и профессионально, не вводить суд в заблуждение, не затягивать судебный процесс и злоупотреблять своими правами.

Проведенный в первой главе магистерской диссертации теоретико-правовой анализ правовой природы защиты и процессуального положения защитника в уголовном процессе Российской Федерации, позволяет сформулировать следующие выводы.

Во-первых, процессуальная природа защиты заложена в праве каждого на защиту, которое в уголовном процессе рассматривается как собирательное понятие, включающее процессуальные возможности подозреваемого (обвиняемого, подсудимого) осуществлять свою защиту и корреспондирующая данному праву обязанность его обеспечения дознавателем, следователем, прокурором, судьей без каких-либо ограничений и препятствий. Уголовно-процессуальная защита осуществляется посредством определенных способов, одним из которых является осуществление предусмотренных УПК РФ прав и обязанностей, возложенных на субъектов защиты. Уголовно-процессуальная защита шире, чем функция защиты, которая осуществляется только в отношении лиц, прямо обозначенных в п. 46 ст. 5 УПК РФ, т.е. имеющие определенный процессуальный статус. Под уголовно-процессуальной защитой предложено понимать упорядоченную совокупность независимых действий, установленных УПК РФ, имеющие конфиденциальный и доверительный характер, осуществляемые стороной защиты и направленные на защиту лиц, права и свободы которых затрагиваются или могут быть затронуты осуществляемой против них обвинительной деятельности, независимо от их формального процессуального статуса.

Во-вторых, защитник – это физическое лицо, имеющее статус адвоката и не имеющее такого статуса, но допущенное наряду с адвокатом по ходатайству обвиняемого и осуществляющее защиту в уголовном процессе лиц, в отношении которых осуществляются обвинительные действия. Оказываемая непрофессиональными защитниками юридическая помощь, не является квалифицированной.

Защитник в уголовном процессе относится к стороне защиты и является самостоятельной процессуальной фигурой, действующей в интересах подзащитного, но от своего лица. Характер полномочий защитника включает не только полномочия, характерные непосредственно для защитника, но и полномочия, свойственные для адвоката-представителя в состязательном процессе.

Обязанности защитника не имеют четкой регламентации, что позволяет сделать вывод об отсутствии разумного баланса прав и обязанностей защитника. Тогда как права защитника должны уравниваться его обязанностями, которые должны включать такие обязанности, как соблюдать закон, представлять интересы своего подзащитного добросовестно и профессионально, не вводить суд в заблуждение, не затягивать судебный процесс и злоупотреблять своими правами. Только при наличии разумного баланса прав и обязанностей защитника можно обеспечить справедливую и эффективную реализацию права на защиту в уголовном процессе.

Глава 2 Участие защитника в досудебном производстве

2.1 Вступление защитника в уголовное дело

Как известно, уголовно-процессуальная деятельность делится на досудебное и судебное производство, совокупность которых, по словам В.А. Лазаревой, образует уголовное судопроизводство или уголовный процесс [62, с. 20]. Исходя из обозначенного деления уголовно-процессуальной деятельности, и следует рассматривать процессуальное положение защитника в уголовном процессе. Непосредственно в данной части магистерской диссертации исследование участия защитника в уголовном процессе будет ограничено досудебным производством, само существование которого «обусловлено общественным значением совершенного преступления и сложностью установления его обстоятельств» [62, с. 22].

Осуществление защитником уголовно-процессуальной деятельности немислимо без его вступления в уголовно-процессуальные отношения для реализации уголовно-процессуальной функции защиты. В связи с чем, исследование процессуального статуса и деятельности защитника в досудебном производстве, необходимо предварить рассмотрением вопроса о вступлении его в уголовное дело.

До 2017 года в ч. 2 ст. 49 УПК РФ законодатель применительно к защитнику, в качестве которого участвуют адвокаты, использовал слово «допуск», которое Федеральным законом от 17 апреля 2017 года № 73-ФЗ [139] было заменено на слово «участвуют». В пояснительной записке к проекту названного Федерального закона указывалось на то, что такое изменение направлено за создание дополнительных гарантий независимости адвокатов при оказании ими квалифицированной юридической помощи в уголовном судопроизводстве и позволит «сократить риски воспрепятствования допуску защитника к участию в досудебной процессуальной деятельности, в том числе на первоначальном этапе,

исключить немотивированные отказы в рассмотрении и удовлетворении ходатайств об исследовании доказательств, приобщении к делу документов и других материалов и иные неправомерные ограничения в реализации адвокатом его процессуальной функции» [122]. Названный Федеральный закон исключил разрешительный порядок допуска защитника к участию в деле. Защитник уже вступает, а не допускается к участию в уголовном деле и «обладает всеми процессуальными правами с момента вступления в уголовное дело, а не с момента его допуска» [122].

Закрепленный в ч. 2 ст. 49 УПК РФ подход к вступлению защитника в уголовное дело согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ, изложенной в постановлении от 25 октября 2001 года № 14-П, в котором указано, что закон не предполагает никакого разрешения следователя на этот счет, что одно только предъявление удостоверения адвоката и ордера, подтверждающего заключенное с ним соглашение о защите, является безусловно достаточным для реализации полномочий защитника и что иное противоречило бы принципу состязательности и равноправия сторон обвинения и защиты. Выполнение адвокатом процессуальных обязанностей защитника не может быть поставлено в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело, основанного на не перечисленных в уголовно-процессуальном законе обстоятельствах. Иное понимание норм уголовно-процессуального закона о вступлении адвоката в уголовное дело расходилось бы с их аутентичным смыслом и противоречило бы предписаниям статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, в силу которой реализация закрепленного в ней права подозреваемого и обвиняемого пользоваться помощью адвоката, в том числе иметь с ним свидания, не может быть обусловлена соответствующим разрешением лица или органа, в производстве которого находится уголовное дело [114].

Обращает на себя внимание определенная некорректность, допущенная в ч. 3 ст. 52 УПК РФ, в которой применительно к отказу от защитника

указывается на право подозреваемого, обвиняемого ходатайствовать о допуске защитника, что противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ. Поэтому, необходимо изложить ч. 3 ст. 52 УПК РФ в обновленной редакции, в которой учесть, что защитник из числа адвокатов вступает в уголовное дело.

Несмотря на то, что в ч. 4 ст. 49 УПК РФ прямо указано на то, что адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, на практике возникает множество споров относительно момента вступления адвоката-защитника в процесс. Вместе с тем от решения данного вопроса зависит законность процессуальных действий.

Так, как следовало из материалов дела, соглашение с адвокатом Харловым А.А. было заключено после задержания осужденного в порядке ст. 91, 92 УПК РФ 28 апреля 2022 года. В известность органы предварительного расследования были поставлены адвокатом 04 мая 2022 года, т.е. после проведения следственных действий. Доводы о незаконности действий сотрудников полиции по осуществлению повторного задержания К.А., не могут быть во внимание приняты, так как поскольку протокол задержания и показания в судебном заседании не исследовались и в качестве доказательств в приговоре не приведены. При повторном задержании допрос подозреваемого был осуществлен с участием защитника [3].

Как можно заметить, защитник вступает в уголовное дело не с момента заключения соглашения, а с момента предъявления ордера.

В другом примере в Следственное управление от адвоката О. поступило ходатайство, в котором сообщалось о принятии им поручения на защиту обвиняемого С., с просьбой приобщить к материалам уголовного дела ордер, копию своего удостоверения, а также рукописные заявления от имени С. о согласии на представление его интересов адвокатом О. и допуске его в качестве защитника. Заместителем начальника отдела Следственного управления было вынесено постановление об отказе в удовлетворении указанного ходатайства, мотивированное тем, что в связи с нахождением С. в

розыске и ввиду информации о его нахождении на территории иностранных государств органы следствия лишены возможности удостовериться в согласии обвиняемого на участие в деле в качестве защитника адвоката О. По постановлению суда первой инстанции (суды апелляционной и кассационной инстанций оставили указанное решение без изменения) жалоба адвоката, поданная в порядке ст. 125 УПК РФ, на постановление заместителя начальника отдела Следственного управления оставлена без удовлетворения.

Отказывая в удовлетворении жалобы, суд пришел к выводу, что для допуска адвоката О. к участию в деле, кроме удостоверения и ордера, ему следовало представить доказательства согласия обвиняемого С. на его участие в деле в качестве защитника, поскольку ни органы следствия, ни суд не могут установить факт принадлежности обвиняемому С. подписи в документах - в заявлении и ходатайстве, выполненных от его имени.

Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев уголовное дело по кассационной жалобе адвоката, отменила судебные решения по следующим основаниям.

В силу ч. 1 ст. 50 УПК РФ защитник приглашается подозреваемым, обвиняемым, его законным представителем, а также другими лицами по поручению или с согласия подозреваемого, обвиняемого. Указанная статья, таким образом, закрепляет процедуру приглашения защитника, а не порядок допуска его к делу. В соответствии с ч. 4 ст. 49 УПК РФ адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера.

Согласно п. 2 ст. 6 Федерального закона об адвокатской деятельности никто не вправе требовать от адвоката и его доверителя предъявления иных документов, кроме ордера или доверенности, для вступления адвоката в дело.

Из приведенных законоположений, следует, что выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится

дело. Следовательно, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело [92].

На практике также отмечается, что, к примеру, адвокат, осуществлявший защиту ФИО2 в ходе следствия, вступил в дело на основании ордера и удостоверения (ч. 4 ст. 49 УПК РФ), проверка же наличия или отсутствия заключенного между сторонами соглашения, которое является основанием выдачи ордера, процессуальным законом не предусмотрено [44].

Из приведенных примеров можно заметить, что органы предварительного следствия продолжают оказывать воздействие на сторону защиты при разрешении вопроса о ее вступлении в уголовное дело. Кроме того, на практике встречаются случаи отказа следователем в принятии надлежаще оформленного ордера, в результате чего адвокат не может приступить к осуществлению защиты [85, с. 187]. Все это не только затягивает процесс, но и отрицательно отражается на положении преследуемого лица [152, с. 54].

Отдельное внимание хотелось бы уделить при рассмотрении вопроса о вступлении защитника в уголовное дело моменту возникновения у него процессуального статуса защитника, т.е. момента, с которого защитник считается участвующим в уголовном судопроизводстве.

В ч. 3 ст. 49 УПК РФ законодатель привел перечень моментов, с которых защитник считается участвующим в деле. Однако, по словам, С.В. Купрейченко, данные нормы определяют «лишь потенциальную возможность вступления адвоката в уголовное судопроизводство» [59, с. 123].

П.В. Вдовец и А.В. Чарыков связывают возникновение статуса адвоката-защитника с моментом предъявления им удостоверения и ордера соответствующему должностному лицу [22, с. 14].

При рассмотрении данного вопроса, следует согласиться с тем, что не совпадают моменты возникновения статуса защитника и функции защиты.

Так, момент возникновения функции защиты совпадает с началом осуществления уголовного преследования конкретного лица [16, с. 30], с которого у такого лица возникает право на защиту [116]. При этом, в данный момент защитник еще не участвует в деле, так как его процессуальный статус только начинает формироваться, тогда как, само право на защиту не зависит от формализующих действий [59, с. 128].

В основе уголовно-процессуальной защиты заложена деятельность, направленная на защиту лиц, в отношении которых осуществляется обвинительная деятельность, независимо от их формального процессуального статуса. При этом, такая деятельность характеризуется формализованностью, так как должна осуществляться в установленном законом порядке. В частности, адвокат-защитник должен предъявить свое удостоверение и ордер.

Однако связывание возникновения у адвоката процессуального статуса защитника моментом предъявления указанных документов также вызывает ряд вопросов.

Прежде всего, следует учесть нормы ч. 4.1 ст. 49 УПК РФ, которая регулирует в случае необходимости получение согласия подозреваемого, обвиняемого на участие адвоката в уголовном деле, которое должно быть выражено перед его вступлением в уголовное дело. Для этого адвокату предоставляется свидание с подозреваемым, обвиняемым по предъявлении удостоверения адвоката и ордера. Такие свидания могут быть как в очном формате, а также закон предоставляет возможность проведения свиданий подозреваемых и обвиняемых с защитником на территории следственного изолятора с использованием систем видео-конференц-связи [137]. В п. 2.2 Порядка изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам [111] установлено, что в ордере должно быть указано, что поручение заключается для «свидания с обвиняемым (подозреваемым) для получения его согласия на участие в уголовном деле в качестве защитника».

Так, адвокат Т. 22 июня 2020 года заключил с Д.А. соглашение № У на защиту в ГСУ ГУ МВД России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области

Д.Э. На основании данного соглашения 23 июня 2020 года был выписан ордер на посещение Д.Э. в ФКУ «Следственный изолятор №1» с целью получения согласия на оказание юридической помощи - защиты по уголовному делу.

25 июня 2020 года при посещении ФКУ «Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области» Т. было сообщено, что вывод его подзащитного для свидания с ним невозможен, так как в распоряжении администрации имеется письмо от следователя с требованием не допускать его к доверителю, в связи с отказом Д.Э. от его юридической помощи. Сотрудники ФКУ «Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области» сообщили, что вывод его подзащитного, возможен только, в том случае, если сам подзащитный напишет на имя начальника учреждения заявление о допуске адвоката.

Удовлетворяя требования Т., суд первой инстанции указал, что действия административного ответчика были направлены на ограничение прав адвоката и его подзащитного, поскольку, предъявив ордер и адвокатское удостоверение адвокат, имел право на свидание с подозреваемым, в целях получения его согласия на осуществление его защиты по уголовному делу.

Не соглашаясь с выводами суда первой инстанции, судебная коллегия исходила из того, что само по себе предъявление адвокатом Т. ордера и удостоверения адвоката для ФКУ «Следственный изолятор № 1 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по Санкт-Петербургу и Ленинградской области» не являлось подтверждением обстоятельств, его участия в уголовном процессе в качестве защитника. При этом, судом апелляционной инстанции не учтено, что выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него удостоверения адвоката и ордера на ведение уголовного дела конкретного лица, по предъявлении которых он допускается к участию в этом деле и наделяется правами, предусмотренными ст. 53 УПК РФ, в том числе правом иметь свидания с

подзащитным, что не ставит его допуск к участию в уголовном деле в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых оно находится [49].

Кроме того, адвокат не может считаться приобретшим статус защитника до выяснения им наличия/отсутствия обстоятельств, препятствующих ему принять на себя защиту конкретного лица [132]; [112].

Следует заметить, что выяснение препятствующих обстоятельств, разъяснение подозреваемому/обвиняемому его права на защитника, не образуют защитительные действия, а представляют собой юридическую помощь, направленную на реализацию права на защиту [98].

Таким образом, защитник обладает всеми процессуальными правами с момента вступления в уголовное дело, а не с момента его допуска. Обращает на себя внимание определенная некорректность, допущенная в ч. 3 ст. 52 УПК РФ, в которой применительно к отказу от защитника указывается на право подозреваемого, обвиняемого ходатайствовать о допуске защитника, что противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ. Поэтому, необходимо изложить ч. 3 ст. 52 УПК РФ в обновленной редакции, в которой учесть, что защитник из числа адвокатов вступает в уголовное дело.

2.2 Формы участия защитника в стадии возбуждения уголовного дела

Стадия возбуждения уголовного дела является начальной стадией уголовного процесса, которая регламентирована глава 19 и 20 VII УПК РФ. На данной стадии полномочные органы и должностные лица получают и проверяют информацию о совершенном или готовящемся преступлении. Участие защитника на данной стадии, хотя и не является обязательным по общему правилу, становится все более востребованным и актуальным в контексте защиты прав потенциального подозреваемого или обвиняемого.

Однако, реализация этого права сопряжена с рядом проблем, требующих законодательного и практического разрешения.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации не содержит четких и однозначных норм, регулирующих порядок и объем участия защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Возникают вопросы о моменте начала уголовного преследования в случаях, когда задержание не производилось, а обвинение еще не предъявлено. Неопределенность порождает различные толкования и приводит к тому, что правоохранительные органы зачастую отказывают в допуске защитника. В отсутствие четкого регламента остаются неясными вопросы о процессуальных правах защитника на стадии возбуждения уголовного дела. Имеет ли он право знакомиться с материалами проверки? Вправе ли он представлять доказательства, заявлять ходатайства, участвовать в опросах и объяснениях, даваемых его доверителем? Отсутствие ответов на эти вопросы ставит защитника в неравное положение с органами предварительного расследования и существенно затрудняет эффективную защиту прав и законных интересов лица, в отношении которого ведется проверка.

Итак, участие адвоката-защитника в этой стадии является дискуссионной.

Одни ученые считают, что в стадии возбуждения уголовного дела «адвокат оценивает доказательства с точки зрения достаточности их для начала уголовного преследования» [77, с. 186]. По мнению других – реализация полномочий защитника возможна только со стадии предварительного расследования [21, с. 47].

По данному вопросу высказался Конституционный Суд РФ, который отметил гарантированность права на квалифицированную юридическую помощь каждому в независимости от его формально-процессуального статуса.

Часть 6 ст. 49 УПК РФ дополнена п. 6, в котором момент участия защитника определяется началом осуществления процессуальных действий,

затрагивающих права и свободы лица, в отношении которого проводится проверка сообщения о преступлении.

Б.Т. Безлепкин, комментируя рассматриваемые положения УПК РФ приходит к выводу о том, что сама «идея процессуальной защиты в стадии возбуждения уголовного дела, когда нет еще ни самого такого дела, ни сторон в ней, открыто противоречит основам теории уголовно-процессуальных функций и наводит мысль об уголовном преследовании без уголовного дела и о защите без законного «нападения», т.е. о юридической несуразности» [13, с. 88].

Если обратиться к практике применения п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ, то можно найти следующие позиции правоприменителя.

Так, Судебная коллегия не согласилась с доводом апелляционной жалобы осужденного о необходимости предоставления ему права на участие защитника при осмотре места происшествия, ссылаясь на абз. 2 п. 3 Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 29, в котором отмечено, что предусмотренные нормами уголовно-процессуального закона права должны быть разъяснены в объеме, определяемом процессуальным статусом лица, в отношении которого ведется производство по делу, с учетом стадий и особенностей различных форм судопроизводства. Из материалов дела усматривалось же, что на момент производства осмотра места происшествия уголовное дело возбуждено не было, осмотр производился не в помещении, принадлежащем А., а в помещении квартиры, располагавшейся по адресу, из которой раздавался специфический запах наркотических средств, что подтверждалось сообщением о преступлении. Из рапортов о задержании А. следует, что он фактически был задержан после проведения осмотра места происшествия. При таких обстоятельствах судебная коллегия пришла к выводу о том, что уголовное преследование в отношении А. во время производства осмотра места происшествия фактически не осуществлялось, а потому указанные положения абзацев 1 и 2 п. 3 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 30 июня 2015 года № 29 не

обязывали сотрудников полиции, производивших осмотр места происшествия, разъяснять А. право пользоваться помощью защитника при проведении осмотра. В то же время никто не препятствовал А. в осуществлении возможности воспользоваться квалифицированной юридической помощью. Соответствующих ходатайств от А. не поступало. Кроме того, в протоколе осмотра места происшествия указано, что лицам, участвовавшим при проведении осмотра (среди которых был и А.), были разъяснены их процессуальные права. Замечаний на протокол осмотра места происшествия от А. не поступило [7].

В другом случае также доводы адвоката о нарушении права Харина на защиту, выразившееся в не предоставлении адвоката были признаны несостоятельными в силу того, что п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ не регламентирует вопросы оказания юридической помощи при производстве оперативно-розыскных мероприятий [5].

Как можно заметить, реализация процессуальной гарантии, предусмотренной п. 6 ч. 3 ст. 49 УПК РФ зависит от усмотрения следователя (дознателя). При этом, по справедливому замечанию А.С. Вражнова, несмотря на бесспорную важность рассматриваемой нормы, ее недостаточно, так как она не распространяется на оперативно-розыскные мероприятия, которые не исключают возможность нарушения прав и законных интересов лиц [24, с. 32]. Я.П. Ряполова основную проблему видит в неопределенности статуса лица, в отношении которого проводятся проверочные мероприятия. Без ответа законодатель оставляет вопрос о допустимости участия защитника по назначению на этапе доследственной проверки обязательном его вступлении в уголовный процесс по аналогии со ст. 51 УПК РФ [128, с. 27].

Таким образом, одним из ключевых проблемных аспектов является отсутствие четкой законодательной регламентации процессуального статуса проверяемого лица, которое формально не является подозреваемым или обвиняемым, однако осуществляемые в отношении него действия могут затронуть его права и свободы. Поэтому, на стадии возбуждения уголовного

дела в отношении проверяемого лица, фактически осуществляется уголовное преследование [68, с. 27]. Более того, законодатель данному лицу предоставляет комплекс прав, сходных по содержанию с правами подозреваемого, в числе которых:

- дача объяснений;
- не свидетельствование против себя и близких;
- приносить жалобы;
- пользоваться услугами адвоката.

Все более очевидной становится проблема обеспечения прав лица, в отношении которого проводится проверка. Решить данный вопрос можно посредством расширения процессуального статуса подозреваемого, с момента осуществления в отношении лица действий, направленных на его изобличение в совершении преступления [82, с. 263].

Следует согласиться с необходимостью обеспечения участия адвоката-защитника на этапе доследственной проверки, на котором следователь собирает доказательства (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ) для изобличения конкретного лица, т.е. фактически осуществляется преследование, которым могут быть затронуты права и законные интересы проверяемого лица. Главной задачей защитника в складывающейся ситуации является обеспечить соблюдение прав и законных интересов такого лица, предотвратить возможные нарушения. Особое внимание защитник должен уделять обеспечению права на молчание. Защитник обязан разъяснить это право своему подзащитному и следить за тем, чтобы правоохранительные органы не оказывали на него давление с целью получения признательных показаний. Если же подзащитный изъявляет желание давать показания, защитник должен убедиться в том, что показания даются добровольно, осознанно и в присутствии защитника. В целом, деятельность адвоката-защитника может быть направлена на доказывание основания отказа в возбуждении уголовного дела, либо основания возбуждения уголовного дела в отношении конкретного лица [94, с. 24].

Неоднозначно решается в науке вопрос процессуальной формы участия

адвоката в стадии возбуждения уголовного дела. Одни ученые полагают, что при последственной проверке адвоката имеет процессуальный статус защитника [151, с. 26], а, по мнению других – представителя привлекаемого лица [29, с. 131-132]. Представляется, что адвокат в последственной проверке может выступать только в процессуальном статусе защитника, так как действующий уголовно-процессуальный закон не регламентирует полномочия представителя проверяемых лиц или лиц, в отношении которых проводится проверка о совершении преступления.

Что бы решить выявленную коллизию, целесообразно расширить понятие защитника в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, дополнив ее указанием на лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении:

- «1. Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых, обвиняемых и лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу и при производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении».

Таким образом, необходимо определить процессуальный статус лица, в отношении которого проводится проверка и гарантировать ему право на защиту. Также важно закрепить полномочия защитника при проверке сообщения о преступлении. Обеспечение права на участие защитника на стадии проверки сообщения о преступлении является важным условием справедливого и эффективного уголовного процесса.

2.3 Формы участия защитника в стадии предварительного расследования

Следующей стадией уголовного процесса является предварительное расследование, которое начинается с момента вынесения постановления о возбуждении уголовного дела и завершается передачей дела в суд или

прекращением уголовного дела. На данной стадии функция защиты выражается в действиях стороны защиты, «направленных на полное или частичное опровержение подозрения или обвинения, выявление обстоятельств, говорящих в пользу подозреваемого или обвиняемого» [69, с. 49].

После вступления защитника в дело, ему предоставляется существенный объем полномочий, основные из которых приведены в ч. 1 ст. 53 УПК РФ. В виду ограниченности объема магистерского исследования в данной части работы будут рассмотрены некоторые из полномочий защитника в проблемном аспекте.

Прежде всего, защитник вправе иметь с подозреваемым, обвиняемым свидание (подп. 1 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), которое необходимо для:

- согласования и выбора позиции по делу;
- организации защиты [145, с. 135].

В ходе свидания между защитником и его подзащитным должны сложиться доверительные отношения, способствующие не только получению достоверных сведений, но и достижению объективной истины в целом.

В целом, реализация рассматриваемого права позволяет защитнику ознакомиться с обстоятельствами дела со слов подзащитного, получить необходимую информацию для выстраивания линии защиты, обсудить стратегию и тактику ведения дела, а также предоставить подзащитному моральную поддержку и уверенность в том, что его интересы будут представлены в суде.

Порядок реализации права на свидание с подзащитным регламентируется процессуальным законодательством и правилами внутреннего распорядка мест содержания под стражей. Однако на практике реализация этого права может сталкиваться с рядом препятствий.

Так, в период распространения коронавирусной инфекции на территории Российской Федерации с 10 апреля 2020 года был введен режим карантина по эпидемиологическим показаниям для предупреждения

распространения данной инфекции. Так, в частности, постановления главного государственного санитарного врача ФСИН № 119 от 10 апреля 2020 г., в ФКУ СИЗО-1 УФСИН России по Орловской области предписано с 10 апреля 2020 г. не допускать в ФКУ СИЗО-1 всех посетителей с 10 апреля 2020 г. до особого указания.

Обращаясь в суд, К.Ф. заявил о не предоставлении ему 3 и 13 апреля 2020 года свиданий с адвокатом Кутузовым С.А. Суд первой инстанции, учитывая вышеприведенные положения нормативно-правовых актов, в их совокупности с положениями законодательства, регулиющими право на защиту лиц, находящихся под стражей, пришел к обоснованному выводу об отсутствии со стороны административных ответчиков нарушения права К.Ф. на защиту, поскольку меры, направленные на запрет посещения СИЗО-1 были связаны с санитарно-эпидемиологическом благополучием населения, в частности защитой лиц, содержащихся в СИЗО-1, от распространения коронавирусной инфекции на территории РФ.

Приведенные в апелляционной жалобе К.Ф. и его защитников доводы о нарушении конституционного права К.Ф. на защиту, которое не может быть ограничено в связи распространением на территории РФ новой коронавирусной инфекции, были признаны несостоятельными, поскольку введенные ограничения, в том числе, ограничения на посещение СИЗО-1, связаны с санитарно-эпидемиологическом благополучием населения, в том числе самого К.Ф. и его защитника, в связи с чем не могли рассматриваться как нарушающие право лица на защиту [6].

Свидания защитника с подзащитным должны проводиться в конфиденциальной обстановке, где их общение не может быть подслушано или записано. Однако на практике такая конфиденциальность не всегда соблюдается. Свидания защитника и подзащитного проводятся в кабинете следователя (дознателя) и даже в его присутствии, что недопустимо и может быть предметом обжалования [8]. Что бы решить данную проблему необходимо следователя наделить корреспондирующей данному праву

обязанностью обеспечить условия для проведения свидания защитника с подозреваемым или обвиняемым в условиях конфиденциальности и закрепить данную обязанность в ч. 2 ст. 38 УПК РФ, дополнив ее п. 5.1: «5.1) принять меры по обеспечению свидания защитника с подозреваемым, обвиняемым наедине и конфиденциально;».

Согласно подп. 4 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник имеет право присутствовать при предъявлении обвинения. С момента предъявления обвинения лицо официально приобретает статус обвиняемого. Обвинение формирует ядро дела, определяет его предмет и пределы, а также оказывает существенное влияние на дальнейшую стратегию защиты. В этой связи присутствие защитника, способного оценить обоснованность обвинения, разъяснить его суть и возможные последствия, приобретает первостепенное значение.

Защитник, при предъявлении обвинения может предоставить своему подзащитному юридическую помощь, помочь понять содержание обвинения и оценить его соответствие фактическим обстоятельствам дела. Он может задавать вопросы следователю или дознавателю с целью уточнения деталей обвинения, выявлять противоречия или неясности, а также фиксировать любые нарушения процессуальных норм, допущенные в ходе этой процедуры [126].

Важно заметить, что постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого составляется только после того, как собрана достаточная совокупность доказательств. При этом, рассматриваемому праву защитника корреспондирует соответствующая обязанность следователя (дознавателя), который, однако не обязан знакомить защитника с собранными доказательствами. У защитника отсутствует право требовать предоставления данных доказательств до окончания предварительного расследования [99].

УПК РФ не ограничивает участие защитника в следственных действиях. Участие защитника в следственных действиях играет ключевую роль в обеспечении справедливости уголовного судопроизводства. Защитник,

обладая профессиональными знаниями и опытом, помогает подозреваемому, обвиняемому защитить свои права и законные интересы, предотвратить незаконное применение мер процессуального принуждения, добиться справедливого и объективного рассмотрения дела в суде. Он является гарантом соблюдения принципов состязательности и равноправия сторон в уголовном процессе.

Эффективная работа защитника способствует укреплению законности и правопорядка, а также повышению доверия граждан к правосудию. Без квалифицированной юридической помощи, предоставляемой защитником, реализация конституционного права на защиту становится невозможной, что ставит под сомнение законность и обоснованность принятых решений по уголовному делу.

Однако, проведение судебной экспертизы в отсутствие защитника не признаются нарушением, так как ст. 198 УПК РФ ограничивает данное право защитника разрешением следователя (дознателя) [43].

В целом, участие защитника в следственных действиях – это его право, а не обязанность. При этом, как отмечает С.В. Юношев, «окончательное решения вопроса об участии защитника в следственном действии принадлежит подзащитному, так как обратное означало бы отказ от защиты, что недопустимо» [156, с. 573-574].

На практике отмечается частое злоупотребление защитниками правом дачи кратких консультаций. В качестве таких злоупотреблений отмечаются случаи, когда адвокаты диктуют своим доверителям полный ответ на поставленный вопрос при допросе.

Ученые предлагают разрешить указанную проблему, закрепив законодательно форму краткой консультации, например, в виде реплики защитника, рекомендующей обвиняемому не отвечать [14, с. 24] или вообще установить запрет давать ответ на поставленный следователем вопрос [31, с. 64].

Представляется, что в ст. 5 УПК РФ необходимо легально определить понятие краткой консультации, как консультации, которая не содержит ответы на поставленные следователем вопросы.

На практике встречаются нарушения, к примеру, когда при проверке показаний на месте защитнику не дали права задавать вопросы. В результате суд необоснованно принял за основу показания М.А. и М.Т., при этом оставлены без внимания доводы защиты, что свидетельствует о необъективности суда. Однако данные доводы защиты о нарушении требований ст. 53 УПК РФ, поскольку защитнику Мовчану А.П. не было предоставлено право задать вопросы потерпевшему М.А. в ходе проверки его показаний на месте, не были признаны, поскольку адвокатом не приведено было обоснований, какие именно вопросы требовалось задать защитнику потерпевшему и как это могло повлиять на выводы суда о виновности Ш., при этом в ходе судебного следствия защитой выражено согласие на оглашение показаний потерпевшего в порядке ч. 1 ст. 281 УПК РФ, дополнений и возражений против окончания судебного следствия в отсутствие потерпевших сторона защиты не имела [50].

В п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ закреплено право защитника знакомиться с документами. При этом, законодатель не указывает на то, сколько раз защитник вправе знакомиться с документами, из чего следует, что данное право может предоставляться ему неоднократно. Однако А.П. Рыжков такое толкование п. 6 ч. 1 ст. 53 УПК РФ признает следствием несовершенства его редакции и считает, что законодателем заложена идея ознакомления защитника один раз с каждым документом, названным в указанном в норме [126]. Такой же позиции и придерживается практика.

В п. 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ установлено право защитника снимать копии с материалов уголовного дела при выполнении требований ст. 217 УПК РФ. Таким образом, законодателем установлена конкретная стадия уголовного судопроизводства, на которой орган предварительного расследования обязан предоставить защитнику возможность использования технических средств

при полном ознакомлении с материалами дела. При этом, к примеру, то обстоятельство, что копии документов уже направлены обвиняемому не может быть препятствием для снятия тех же копий избранным адвокатом [9]. Необоснованным признает отказа следователя в выдаче копий протоколов очных ставок с участием подозреваемой по мотиву наличия у него права на их получение в период ознакомления с материалами уголовного дела [93].

Пункт 7 ч. 1 ст. 53 УПК РФ не содержит запрет выписывать из материалов дела сведения или снимать с них копии [101]. Однако в таком ходатайстве может быть отказано со ссылкой на то, что использование технических средств, при ознакомлении защитника с указанными документами законом не предусмотрено, а такая возможность может быть реализована с разрешения лица, в чьем производстве находится уголовное дело [10].

С момента вступления защитника в уголовное дело ему принадлежит право заявлять отводы и ходатайство (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ). Обращает на себя внимание тот факт, что законодатель не указал защитника в ст. 69 УПК РФ в числе лиц, которые могут заявлять отвод переводчику. Тогда как могут сложиться обстоятельства, при которых переводчик окажется не способным обеспечить понимание между защитником и его подзащитным. В связи с чем, соответствующим дополнением необходимо дополнить ч. 2 ст. 69 УПК РФ.

Проведенный во второй главе анализ участия защитника в досудебном производстве, позволяет сделать следующие выводы и предложения.

Во-первых, осуществление защитником уголовно-процессуальной деятельности немислимо без его вступления в уголовно-процессуальные отношения для реализации уголовно-процессуальной функции защиты. Защитник вступает, а не допускается к участию в уголовном деле и обладает всеми процессуальными правами с момента вступления в уголовное дело, а не с момента его допуска.

Выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не

ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело.

Следовательно, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело. Кроме того, адвокат не может считаться приобретшим статус защитника до выяснения им наличия/отсутствия обстоятельств, препятствующих ему принять на себя защиту конкретного лица. Выяснение препятствующих обстоятельств, разъяснение подозреваемому/обвиняемому его права на приглашение защитника, не образуют защитительные действия, а представляют собой юридическую помощь, направленную на реализацию права на защиту. Только после установления отсутствия данных обстоятельств у адвоката возникает статус защитника, позволяющий ему осуществлять уголовно-процессуальную защиту и сохраняющийся на всех стадиях уголовного процесса.

Обращено внимание на некорректность, допущенную в ч. 3 ст. 52 УПК РФ, в которой применительно к отказу от защитника указывается на право подозреваемого, обвиняемого ходатайствовать о допуске защитника, что противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ. Поэтому, необходимо изложить ч. 3 ст. 52 УПК РФ в обновленной редакции, в которой учесть, что защитник из числа адвокатов вступает в уголовное дело.

Во-вторых, адвокат в доследственной проверке может выступать только в процессуальном статусе защитника. В связи с чем, целесообразно расширить понятие защитника в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, дополнив ее указанием на лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении: «1. Защитник – лицо, осуществляющее в установленном настоящим Кодексом порядке защиту прав и интересов подозреваемых, обвиняемых и лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении и оказывающее им юридическую помощь при производстве по уголовному делу и при производстве процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении».

В-третьих, предложено следователя наделить корреспондирующей праву защитника на свидание с подозреваемым или обвиняемым соответствующей обязанностью обеспечить условия для его проведения в условиях, отвечающих требованиям конфиденциальности.

Обращено внимание на то, что законодатель не указал защитника в ст. 69 УПК РФ в числе лиц, которые могут заявлять отвод переводчику. В связи с чем, целесообразно ч. 2 ст. 69 УПК РФ дополнить указанием на защитника, который может заявить отвод переводчику в случае обнаружения его некомпетентности. Кроме того, необходимо в ст. 5 УПК РФ закрепить легальное определение краткой консультации защитника, что позволило бы предотвратить допускаемые защитниками злоупотребления, когда они диктуют своим доверителям полный ответ на поставленный следователем вопрос при допросе.

Глава 3 Проблемы участия защитника в судебном производстве и в доказывании

3.1 Вопросы участия защитника в судебном производстве

Право защитника участвовать в судебном разбирательстве закреплено в п. 9 ч. 1 ст. 53 УПК РФ.

Судебное разбирательство, будучи основной главенствующей частью уголовного процесса, имеет своей целью «окончательное рассмотрение и разрешение уголовного дела и, соответственно, судебных собрания, проверки и оценки доказательств обо всех обстоятельствах, перечисленных в ст. 73 УПК РФ» [126].

Структурно судебное разбирательство состоит нескольких этапов [19], на каждом из которых защитник реализует свои полномочия.

Так, на стадии подготовки к судебному заседанию защитник участвуют в предварительном слушании, которое не является самостоятельной частью судебного разбирательства [126]. Основным смыслом и целью предварительного слушания является решение наиболее важных вопросов подготовительного характера, относящиеся к объему доказательств, [13, с. 374].

В подготовительной части заявляются и разрешаются ходатайства. Защитник может заявить ходатайство об исключении доказательства [20, с. 30]. Однако на практике такие ходатайства защитника отклоняются судом с формулировкой «преждевременность заявленного ходатайства» [20, с. 31]. Еще большая проблематичность состоит в том, что ст. 389.2 УПК РФ не предусматривает возможность апелляционного обжалования ходатайств об исключении доказательств. Поэтому можно предложить ч. 3 ст. 389.2 УПК РФ дополнить положением о том, до вынесения итогового судебного решения апелляционному обжалованию подлежат и судебные постановления или

определения об отказе в рассмотрении и/или удовлетворении ходатайства об исключении доказательства.

Следующим этапом судебного разбирательства, является судебное следствие, которое, по словам М.В. Масловой, отличается рядом преимуществ для стороны обвинения:

- согласно ст. 273 УПК РФ данный этап судебного разбирательства начинается с выступления государственного или частного обвинителя, излагающих обвинение. Подсудимому или его защитнику предлагается выразить свое отношение к обвинению;
- в ст. 274 УПК РФ приоритет в последовательности представления доказательств отдается стороне обвинения;
- в случае, когда подсудимый отказывается от профессиональной защиты и самостоятельно защищает свои права, он несколько стеснен в правах в сравнении со стороной обвинения. Прежде всего, ч. 2 ст. 275 УПК РФ обязывает подсудимого по требованию суда предоставлять письменные заметки, которыми он пользуется. Ограничен подсудимый в части дачи показаний, которые он может давать только с разрешения председательствующего [78, с. 32-33].

При рассмотрении вопроса об участии защитника в стадии судебного разбирательства, хотелось обратить внимание на п. 11 ч. 1 ст. 53 УПК РФ, предоставляющий защитнику право использовать иные, не запрещенные УПК РФ, средства и способы защиты.

Например, в ходе судебного следствия защитники допускали нарушения требований ст. ст. 252, 335, 336 УПК РФ. Так, во вступительном слове адвокат Чурсин С.Г. обращал внимание на то, что «бытует такое понятие, как тенденциозность обвинения», а также о важности «прервать историческую несправедливость». Продолжая формировать у присяжных заседателей предубеждение к стороне обвинения, в ходе судебного следствия защитники в присутствии присяжных заседателей ставили под сомнение законность

получения некоторых доказательств, в то время как недопустимыми доказательствами они не признавались.

Так, комментируя ответ на вопрос свидетеля ФИО11, адвокат Чусин С.Г. допустил умозаключение, что сказанное свидетелем является домыслом. Допрашивая свидетеля ФИО12, адвокатом Чусиным С.Г. ей задавались вопросы, носящие явно процессуальный характер и никоим образом не связанные с фактическими обстоятельствами дела, в частности, сколько раз ее мать (свидетель ФИО3) допрашивалась следователем. При допросе свидетеля ФИО13 адвокат Ишанов Р.М. выяснял, по каким причинам в ходе осмотра места происшествия не были изъяты определенные предметы, в то время как защитник Чусин С.Г. акцентировал внимание на противоречиях протокола осмотра с его же фототаблицей.

Защитники высказывали утверждения о том, что для государственного обвинителя «не важен первоисточник получения доказательств». Наряду с этим, в ходе оценки исследованных доказательств участники процесса со стороны защиты неоднократно, говоря о достоверности доказательств, подменяя понятия, фактически касались вопросов их допустимости («такие существенные недочеты инспектора по составлению схемы не влияют на распространение огня», «Материя – это ткань. Какая ткань? Где она? Где изъятие?», «В коридоре квартиры «указывалось, чувствовался запах, характерный для интенсификатора горения. Запах конкретизирован? Нет. Понятые вызваны? Нет. Я вам показывал протокол, что там понятых не было... Все, что видишь, должно быть сфотографировано, чтобы это можно было проверить. Все, что ты пишешь - протокол, ты фиксируешь с помощью фотографий. Все эти обстоятельства: не вызваны понятые, не отобрана проба воздуха для экспертизы наличия и вида легковоспламеняющейся жидкости, фотографий характерного запаха в протоколе нет», «проверить такое заключение невозможно, так как непонятно, чем руководствовался специалист»), а также критиковали следственные органы за, по их убеждению, некачественно проведенное расследование уголовного дела.

Приведенные способы воздействия стороны защиты, были признаны существенным нарушением УПК РФ. Оправдательный приговор был отменен, а уголовное дело направлено на новое судебное рассмотрение [4].

В другом примере, в ходе допроса подсудимого Н. защитник Эльдеева Т.Х. задавала ему наводящие вопросы относительно обстоятельств нанесения удара потерпевшему, а также психологического состояния подсудимого в момент нанесения ножевого ранения, тем самым давая понять, что ранение причинено им в стрессовом состоянии, вызванном опасениями за свою жизнь. Кроме того, защитник Эльдеева Т.Х. допускала вмешательство в допрос подсудимого Н., проводимый государственным обвинителем, фактически формулируя ответы за своего подзащитного. Подсудимый Н., его защитники – адвокаты Эльдеева Т.Х. и Бембеев В.Б. в ходе судебного заседания неоднократно допускали высказывания относительно потерпевшего И.М.А., его личности, наличия у него судимости, которые были направлены на то, чтобы вызвать у присяжных заседателей негативное отношение к последнему. В целом, сторона защиты в ходе судебного следствия в нарушение ст. 334, 335 УПК РФ доводила до присяжных заседателей сведения о потерпевшем, носящие личный характер, излагала в искаженном варианте показания подсудимого, допускала высказывания о несоблюдении уголовно – правовой процедуры получения отдельных доказательств, чем подвергала сомнению их допустимость, что в итоге сформировало у присяжных заседателей превратное восприятие представляемых стороной обвинения, доказательств, как сомнительных [1].

Однако защитник вправе представлять свои доказательства, анализировать доказательства стороны обвинения, ставить их под сомнение и приводить доводы недоказанности вины подзащитного.

Так, в кассационной жалобе представители потерпевшей П. - адвокаты Чайковский Д.Б. и Рыбак А.А. поставили вопрос об отмене приговора и апелляционного определения в отношении Мельникова Д.К. и о передаче уголовного дела на новое рассмотрение в суд первой инстанции, ссылаясь при

этом на несоблюдение требований ч. ч. 7, 8 ст. 335 УПК РФ, выразившееся в том, что в присутствии присяжных заседателей адвокат Ведь И.А. сообщил о том, что когда он вступил в дело, следственными органами уже были собраны доказательства, которые исследованы в судебном заседании. На основании этих доказательств государственный обвинитель «отчаянно отстаивает ошибочную версию, представленную органами предварительного следствия», с чем он не может согласиться, так как имеющиеся в деле доказательства сформировали у него убеждение о незаконном, необоснованном привлечении Мельникова Д.К. к уголовной ответственности. По мнению авторов кассационной жалобы, изложенным выше сообщением адвокат Ведь И.А. «необоснованно подверг сомнению законность процедуры уголовного преследования в отношении подсудимого Мельникова Д.К., чем заявил присяжным заседателям о наличии заинтересованности органов предварительного следствия и прокурора в его осуждении». Представители потерпевшей обратили внимание на то, что защитник способствовал формированию у присяжных заседателей образа добропорядочного человека, не способного совершить преступление, о чем было сообщено в репликах. Защитник заявил, что «подсудимый на протяжении 5 лет говорит одно и то же, он находится здесь, никуда не убегает, отстаивает свою позицию. Наверное, если бы он боялся и у него не было бы за спиной правды, его бы здесь не видели. Подсудимый ничего не скрывает, в отличие от стороны обвинения, он не искажает действительность».

Проверив материалы уголовного дела, судебная коллегия приговор и апелляционное определение в отношении Мельникова Д.К. оставила без изменения, кассационные жалобы – без удовлетворения по следующим основаниям.

Выступая в судебных прениях, защитник подсудимого Мельникова Д.К. – адвокат Ведь И.А. позволил себе усомниться в виновности своего подзащитного в убийстве двух человек и правильности позиции государственного обвинителя с учетом имеющихся по делу доказательств,

которые были исследованы с участием присяжных заседателей. После этого председательствующий обратился к присяжным заседателям с просьбой о том, чтобы они «не учитывали обстоятельства относительно позиции государственного обвинителя». Фактически председательствующий предложил присяжным заседателям исходить из версии органов предварительного следствия, что нельзя признать правомерным.

Рассмотрение подобной ситуации авторами кассационной жалобы со стороны потерпевшей с точки зрения оказания защитником незаконного воздействия на присяжных заседателей, так как он необоснованно подверг сомнению законность процедуры уголовного преследования в отношении подсудимого Мельникова Д.К., чем заявил присяжным заседателям о наличии заинтересованности органов предварительного следствия и прокурора в его осуждении, не может быть признано правомерным.

Нельзя признать нарушением закона обращение защитника к присяжным заседателям с просьбой принимать во внимание действия потерпевших, которые преследовали цель избить и унижить Мельникова Д.К., они требовали передать им имущество и деньги. Вместе с тем нельзя оставлять без внимания версию осужденного на произошедшие события. При таких обстоятельствах не является нарушением закона заявление защитника о том, что подсудимый на протяжении 5 лет говорит одно и то же. По своей сути защитник утверждает о последовательности пояснений Мельникова Д.К., который не искажает действительность и отстаивает свою позицию [104].

В целом все права защитника в стадии судебного следствия можно разделить на общие (предусмотрены ст. 53 УПК РФ) и специальные права. Последние, т.е. специальные права защитника в стадии судебного следствия детализированы в главе 37 УПК РФ (см. ст.ст. 275, 276, 277, 278, 278.1, 281, 282, 284, 285, 287, 288, 289, 290 УПК РФ).

Обязанностями защитника является неразглашение данных, ставших ему известными в ходе предварительного расследования и если защитник предупрежден об их неразглашении.

Кроме того, защитник обязан осуществлять защиту подсудимого. Обязанностью защитника является его участие в судебном заседании суда апелляционной инстанции, если обвиняемый не отказался от его помощи в порядке ст. 52 УПК РФ. Однако В. Лазарева обращает внимание на нелогичность данного законодательного положения, которое противоречит роли защитника, как лица, защищающего интересы лица, в отношении которого ведется уголовное преследование [61, с. 6].

Кассационное обжалование приговора или иного судебного решения, безусловно, является важным этапом в процессе защиты прав и интересов лица, в отношении которого было вынесено неблагоприятное решение. В этой связи роль защитника в кассационной инстанции приобретает особое значение, поскольку именно от его профессиональной подготовки и умения аргументированно отстаивать позицию подзащитного во многом зависит исход дела. При подготовке кассационной жалобы защитник должен проанализировать приговор (или иное решение) и апелляционное определение на предмет законности, обоснованности и справедливости. Необходимо выявить ошибки в применении норм материального и процессуального права, а также несоответствие выводов суда фактическим обстоятельствам дела. Если кассационная жалоба еще не подана, защитник должен ее подготовить, либо, если она уже подана, проверить ее соответствие требованиям закона. Жалоба должна содержать четкие и аргументированные доводы о незаконности или необоснованности судебного решения, а также конкретные ссылки на нормы права и материалы дела.

В суде кассационной инстанции защитник вправе выступить после доклада судьи, дать свои устные объяснения, предоставить дополнительные материалы, подтверждающие или опровергающие доводы кассационной жалобы (ч. 7 ст. 401.13 УПК РФ). При этом изменение приговора и последующих судебных решений в данной инстанции на основании дополнительных материалов не допускается. Исключение – факты, не

нуждающиеся в проверке (п. 22 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 [118]).

Таким образом, стадия судебного следствия – центральный этап судебного разбирательства. В данной стадии защитник принимает активное участие в исследовании доказательств, представляемых стороной обвинения, представляет собранные им самим доказательства, подтверждающие невиновность подзащитного или смягчающие его вину. Кроме того, в этой части судебного производства защитник должен тщательно подготовиться к участию в прениях сторон, которые являются завершающим этапом судебного следствия. Это предполагает анализ всех исследованных доказательств, формулирование правовой позиции защиты и подготовку аргументированной речи, в которой будут изложены доводы в пользу невиновности подзащитного или смягчения его вины. Судебные прения подробно будут исследованы в следующей части настоящего исследования.

3.2 Подготовка и произнесение защитительной речи

Участие защитника в прениях сторон является завершающей частью его работы в судебном разбирательстве. Порядок проведения прений сторон урегулирован главой 38 УПК РФ. При этом, уголовно-процессуальный закон не содержит легального определения прений сторон. В ч. 1 ст. 292 УПК РФ изложена только структурная часть прений сторон, которые состоят из речей обвинителя и защитника или подсудимого в случае отсутствия защитника.

Обязательными участниками судебных прений являются государственный обвинитель и защитник.

Отказ государственного обвинителя от выступления в судебных прениях означает отказ от обвинения. Отказ защитника от выступления в судебных прениях есть отказ от принятой на себя защиты подсудимого и прямо запрещен в ч. 7 ст. 49 УПК РФ.

В одном деле защиту подсудимого А. в суде апелляционной инстанции осуществлял по назначению суда адвокат П. Адвокат Кузьменко А.О., принимавший ранее участие по данному уголовному делу, с которым у А. заключено соглашение, участие в суде апелляционной инстанции 23 сентября 2016 года не принимал. Ходатайств об отказе от помощи защитника в порядке ст. 52 УПК РФ, в том числе на стадии судебных прений, от А. суду не поступало. Между тем, как следовало из протокола судебного заседания, адвокат П. в прениях не выступал.

Председательствующий судья первым предоставил право выступить в прениях А., который заявил, что поддерживает текст прений своего адвоката Кузьменко А.О. в суде первой инстанции. Председательствующим было предложено огласить данный текст. А., после того, как начал оглашать текст, сослался на мелкий шрифт и попросил огласить его. Вопреки требованиям уголовно-процессуального закона, предусматривающим участие сторон в прениях, председательствующий судья самостоятельно огласил текст прений адвоката Кузьменко А.О. из протокола судебного заседания суда первой инстанции.

Адвокат П., после оглашения указанного текста председательствующим, высказал, что поддерживает прения адвоката Кузьменко А.О. В судебных прениях с речью в пределах, в которых уголовное дело рассматривалось в суде апелляционной инстанции, адвокат не выступил, тем самым фактически устранился от осуществления защиты прав и интересов обвиняемого в уголовном судопроизводстве.

Таким образом, в нарушение ст. ст. 49, 51, 53 УПК РФ адвокат П. не выполнил свои обязанности, связанные с защитой А., чем лишил осужденного права на защиту, гарантированного Конституцией РФ и УПК РФ, суд же на данное нарушение не отреагировал [120].

Нельзя признать состоятельным довод о нарушении процессуальных прав подсудимого, которое выразилось в непредставлении ему права выступить в прениях сторон, так как письменный протокол судебного

заседания от, в котором отражено, что после выступления в прениях защитника подсудимого – адвоката ФИО11, подсудимый отказался от прений, соответствует аудиопротоколу, согласно которому председательствующим судьей после выступления в прениях адвоката ФИО11 был задан вопрос подсудимому о желании выступить в прениях, на который ФИО11 ответил, что не желает выступать в прениях [53].

В судебных прениях максимально проявляется состязательность уголовного процесса.

Как было отмечено выше, структурной частью прений сторон является речь защитника. По своей природе речь защитника относится к судебной речи, которая, как и любой другой вид человеческой деятельности, является целенаправленной деятельностью, поэтому уже при подготовке к ней требуется осознать цель будущего выступления. Успех речи зависит от степени реализации ее целевой установки.

Представляется важным обратить внимание на то, что не следует отождествлять предмет и содержания судебной речи, как это делает З.В. Макарова, которая считает, что «в предмет судебной речи входит анализ и оценка доказательств... каждая судебная речь должна обязательно содержать те элементы, которые образуют ее предмет...» [72, с. 12-13].

Главной задачей защитника в судебном производстве – это убедить суд в правоте своих доводов. Определенная сложность и одновременно с этим преимущество защитительной речи состоит в том, что она произносится после речи государственного обвинителя. Произнесение защитительной речи после обвинительной позволяет защитнику исследовать речи предыдущих ораторов, осуществлять эффективное опровержение приводимых ими доводов и тем самым оказать благоприятное воздействие на суд.

Защитительная речь является кульминацией адвокатской деятельности в уголовном процессе, словесное выражение позиции защиты, направленное на опровержение обвинения, смягчение вины подсудимого и убеждение суда в справедливости избранной линии защиты. Это сплав логики, риторики,

психологии и глубокого знания закона, призванный не только защитить конкретного человека от несправедливого наказания, но и утвердить принципы законности и справедливости в правосудии. Защитительная речь, таким образом, представляет собой не просто формальное заявление, а сложное и многогранное явление, требующее тщательной подготовки и мастерского исполнения.

Задачами защитительной речи является анализ фактических и юридических обстоятельств уголовного дела с их правовой оценкой, нравственно-психологической характеристикой подзащитного и мотивов его поведения [18, с. 251]. В защитительной речи защитник может оспаривать обвинение в целом, в отношении его отдельных частей, правильность квалификации или обосновывать меньшую степень вины и ответственности подзащитного [80, с. 203-207].

В адвокатской практике обсуждается вопрос о правильной подготовке защитительной речи. При этом относительно составления предварительного письменного его текста мнения практиков расходятся. Если обратиться к классикам судебных ораторов, то, к примеру, П.С. Пороховщиков выступал против импровизации, в процессе которой можно упустить важное. Противником письменной подготовки был А.Ф. Кони, считая, что заранее приготовленная речь будет стеснять выступающего. Следует согласиться с тем, что подготовка к защитительной речи – это субъективный подход каждого оратора. Однако в любом случае, не стоит отказываться от подготовки развернутого конспекта или составления основных тезисов.

Структурно защитительная речь состоит из:

- вступления, которое начинается с повторения фабулы обвинения, особенностях уголовного дела, несогласия с позициями обвинителя;
- доказательственной части, включающей анализ обстоятельств уголовного дела и юридическую оценку стороны обвинения. При оценке доказанности обвинения необходимо оценивать доброкачественность доказательств их взаимосвязь друг с другом.

Защитник должен проанализировать факты, выявить противоречия в показаниях свидетелей и экспертов, предложить альтернативные интерпретации событий. При этом важно не ограничиваться формальным перечислением доказательств, а демонстрировать их взаимосвязь, выстраивая убедительную картину произошедшего. Нельзя забывать и о презумпции невиновности – бремя доказывания лежит на стороне обвинения, и защитник должен активно указывать на недостатки и пробелы в доказательной базе;

- характеристики личности подзащитного, его морально-психологический склад, факты нравственно-психологического характера как смягчающие вину обстоятельства, индивидуально-характерологические свойства личности подзащитного;
- заключительной части, в которой подводятся итоги проделанному анализу и делается вывод. Защитник должен четко сформулировать свою позицию по делу, указав на конкретные нормы закона, которые, по его мнению, были нарушены или неправильно применены. Он должен попросить суд оправдать подзащитного или назначить ему справедливое и соразмерное содеянному наказание, учитывающее все смягчающие обстоятельства [18, с. 251].

Однако, содержание защитительной речи не ограничивается лишь формальным перечислением фактов и аргументов. Важную роль играет эмоциональная составляющая, умение адвоката вызвать сочувствие и понимание у суда, представить подзащитного как человека, достойного снисхождения. При этом, важно соблюдать баланс между эмоциональным воздействием и рациональным убеждением, избегая излишней патетики и голословных утверждений. Защитительная речь должна быть убедительной, логичной и подкрепленной фактами, но при этом и трогательной для сердца судей и присяжных.

Защитительная речь должна соответствовать ряду требований, обеспечивающих ее эффективность и воздействие на суд. Во-первых, она

должна быть законной, то есть не содержать заведомо ложной информации, не нарушать нормы процессуального права и не оскорблять участников процесса. Во-вторых, она должна быть обоснованной, подкрепленной фактами и доказательствами, представленными в ходе судебного разбирательства. В-третьих, она должна быть логичной и последовательной, с четкой структурой и понятными аргументами. В-четвертых, она должна быть убедительной, способной заинтересовать суд и склонить его к позиции защиты. И, наконец, она должна быть этичной, соблюдающей нормы профессиональной морали и уважительного отношения к участникам процесса.

С одной из важных задач защитительной речи – воздействие, связан вопрос использования разумных и не запрещенных законом средств [36, с. 29]. Однако на практике встречаются нарушения.

Например, защитник Бембеев В.Б. оказал прямое воздействие на присяжных заседателей словами: Поэтому, уважаемые судебные присяжные заседатели, я прошу Вас, когда Вы удалитесь в совещательную комнату и будете отвечать на вопрос, доказано ли, что подсудимый Н. совершил умышленное убийство потерпевшего И. в силу приведенных мною фактов и обстоятельств, которые играют в его пользу, дать категорический ответ «не доказано».

Более того, выступая в прениях сторон, защитник Бембеев В.Б. ввел в заблуждение присяжных заседателей, указывая на никем не установленные и ничем не подтвержденные обстоятельства, при которых нож оказался у подсудимого, поскольку подсудимый не давал показания в этой части. В своей речи в судебных прениях защитники давали свою интерпретацию тех обстоятельств, о которых сообщал в судебном заседании подсудимый Н., тем самым искажая содержание его показаний [1].

В связи с приведенным примером, актуальным является вопрос о запретах, которые недопустимы в защитительной речи, произносимой в суде с участием присяжных заседателей.

Выделяют запреты, которые недопустимы в речи защитника в суде присяжных заседателей, в числе которых, вопросы, не отнесенные законом к компетенции присяжных заседателей и запрещено упоминать не исследование в суде доказательства [41, с. 271].

Согласно п. 22 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 года № 23 [117], в силу части 8 статьи 335 УПК РФ данные о личности подсудимого исследуются с участием присяжных заседателей лишь в той мере, в какой они необходимы для установления отдельных признаков состава преступления, в совершении которого он обвиняется.

Однако, на практике данные требования зачастую нарушаются.

Так, адвокат М.С.С. заявил: что по делу очень много вопросов остается без ответа, а адвокаты и подсудимый учитывая специфику рассмотрения дела, не могут дать оценку деятельности правоохранительных органов; из показаний, данных потерпевшим на стадии предварительного следствия, последний подозревал в совершении преступления около 8 человек, с которыми у потерпевшего за последнее время были конфликты и недопонимания; свидетель П.Д.И. спустя год после событий преступления решил добровольно сообщить следователю кого подвозил к дому потерпевшего, но кто через год решит добровольно прийти к следователю и сказать.

Адвокат Г.Г.А. в присутствии присяжных заседателей в прениях сторон также заявила, что признательные показания – это не те доказательства, на которых можно строить обвинение, тем более ее подзащитный в судебном заседании и на стадии следствия отказался от них, указывая, что в истории страны немало случаев, когда невинные люди оговаривали себя, и заявила, что признательные показания ее подзащитного что-то не то.

Кроме того, указанный адвокат в указанной стадии процесса также заявила о ложности и недопустимости показаний свидетеля П.Д.И.

Указанные нарушения нарушали принцип состязательности сторон, в связи с тем, что на присяжных заседателей было оказано незаконное

воздействие, что повлияло на их мнение. Вынесенный на основе оправдательного вердикта приговор был признан судебной коллегией незаконным и подлежащим отмене [52].

Ввиду этого, в случае, если сторона в обоснование своей позиции ссылается на обстоятельства, которые в силу ст. ст. 252, 334 УПК РФ не подлежат исследованию в присутствии присяжных заседателей, они не должны принимать во внимание данные обстоятельства при вынесении вердикта.

Как следовало из протокола судебного заседания, во вступительной речи адвокат ФИО8 критически оценила предъявленное ФИО2 обвинение и работу правоохранительных органов, дала понять присяжным заседателям, что ФИО9 попал на скамью подсудимых по воле случая.

Защитник, обращаясь к коллегии присяжных заседателей, указала: «Уже четыре года, с 2020 года мы не можем собрать коллегию присяжных заседателей, которая бы выразила свое отношение к существу предъявленного обвинения ФИО2», «Доказательства предоставляются, естественно, сотрудниками полиции, в данном случае, расследовал уголовное дело Следственный комитет, и прокуратура, которая, как часто бывает, не читая материалов дела, просто подписывает неправильное обвинительное заключение», «В Российской Федерации, к сожалению так бывает, когда невинные люди несут ответственность».

При выступлении в судебных прениях адвокат ФИО8 критически оценила работу профессиональных судов и правоохранительных органов, акцентировала внимание присяжных на заинтересованности сотрудников органов предварительного следствия в вынесении обвинительного приговора.

Однако, признавая доводы апелляционного представления несостоятельными, суд второй инстанции не принял во внимание содержание вышеприведенных высказываний адвоката ФИО8, исходя из регламента судебного заседания, последствий подобных высказываний и комментариев применительно к формированию у присяжных заседателей неверного мнения

о законности привлечения ФИО2 к уголовной ответственности и доказанности его виновности в инкриминируемом деянии, на что справедливо обращено внимание автором кассационного представления.

Таким образом, фактически не были проверены доводы апелляционного представления о бездействии председательствующего судьи по пресечению, как указал автор, нарушений, и который был обязан путем реализации предоставленных ему полномочий оградить присяжных заседателей от незаконного на них воздействия со стороны защитника [45].

Не подлежат исследованию в присутствии присяжных заседателей, либо на доказательства, признанные недопустимыми или неисследованные в судебном заседании. Так, в прениях защитник ФИО12 продолжила допускать нарушения, заявив: «Бывает один незначительный факт, либо несколько незначительных фактов, и они являются гораздо убедительнее, чем много красиво составленных протоколов, речей, правильно обученных свидетелей, как они красиво говорят», «...31 находят труп, в 02 января берут моего подзащитного под стражу. Потом после его показаний, идут сразу же показания ФИО22, и вот картина мира сложилась, и больше ни каких доказательств. Государственный обвинитель рассказывает, следствие пыталось... Следствие не пыталось, и я вам объясню почему», «Я расскажу вам по-другому, ... изымают брюки у моего подзащитного, больше ни у одного фигуранта, хотя все находились там, они все должны находиться под подозрением, то ни у кого вещей не изымают. И изымают только эти вещи тогда, только тогда, когда я заявляю ходатайство и мой подзащитный, а вы вещи то посмотрите у других, ведь мы указываем, что они виноваты. В конце февраля изымают вещи», «Только в конце февраля 2021 года по ходатайству защиты, следователь изъял обувь и одежду у ФИО28 и ФИО29, для сравнения у 3. одежда и обувь еще изъята в начале января», «обвинение не предоставило и не разработало ни одной другой версии, причастности кого-то не было, в совершении данного преступления», «По молотку, когда 3. заявляет органам предварительного расследования, что был молоток, думаете, его кто-то

искал», «Наши правоохранительные органы почти год доказывали виновность З., что он виновен. Лишили его родителей, работы, уклада жизни, полтора года находиться под стражей...», «Если кто-то думает, что с родителями...». Не во всех случаях председательствующий реагировал на допущенные защитником нарушения.

До сведения коллегии присяжных заседателей была доведена информация об обстоятельствах, не имеющих отношения к фактическим обстоятельствам дела, негативно характеризующих свидетелей ФИО23, его девушку, ФИО24 об имевших место угрозах с их стороны, о поджоге, который может устроить Лименько, угрозах ножом, что его найдут и если нужно доберутся до его родителей и девушки, о звонках отцу и девушке с целью обезопасить их от свидетелей, при этом реакции председательствующего судьи на длительное воздействие на присяжных заседателей путем сообщения указанных сведений не было, и только после заявления прокурора, суд остановил подсудимого, разъяснив присяжным, что указанные обстоятельства не имеют отношения к делу. Неоднократно в ходе судебного следствия и в прениях З. сообщал присяжным об убийстве ФИО25 щенка «увидел убитого щенка на полу, маленький щенок, такса с пробитой головой...».

Несмотря на то, что сторона защиты допускала вышеуказанные нарушения уголовно-процессуального закона, реакция председательствующего на указанные нарушения в некоторых случаях отсутствовала, либо была отсрочена по времени, в связи с чем эффективность его действий по предотвращению незаконного влияния на присяжных заседателей была снижена. Допущенные нарушения повлияли на ответы присяжных заседателей по поставленным вопросам, что послужило основанием для отмены приговора в отношении оправданного. [46].

На практике встречаются случаи, когда председательствующий произвольно устанавливает запреты в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, тогда как при оценке таких запретов надлежит исходить из их действительного характера и предусмотренностью

уголовно-процессуальным законом. Поэтому, целесообразно было бы в УПК РФ установить конкретный перечень запретов, произвольное расширение которых должно быть недопустимым.

Наиболее сложной является защита подсудимого, позиция которого по вопросу о вине расходится с мнением защитника. В таком случае говорят о коллизионной защите, которая характеризуется тем, что защитник вступает в противоречие не только со своим подзащитным, но и с самим собой, однако он не вправе отказаться от принятой на себя защиты [63, с. 117].

Можно привести такой пример из судебной практики. Судом было установлено, что в ходе судебного разбирательства П. вину признавал частично, оспаривал объем переданного им «Иванову» наркотического средства, что подтверждается протоколом судебного заседания. В последнем слове П. виновным себя в сбыте наркотических средств не признал. Между тем, адвокат Борисов Ю.В., выступая в прениях, заявил, что вина П. в совершении инкриминируемого ему деяния нашла свое подтверждение в полном объеме, П. признал вину в полном объеме, оснований для иной квалификации его действий не нашел и просил назначить наказание по <данные изъяты> Уголовного кодекса Российской Федерации в меньшем размере, чем просил государственный обвинитель.

Исходя из указанных обстоятельств, суд кассационной инстанции пришел к выводу о том, что адвокат Борисов Ю.В., выступив против воли П., не выполнил свои обязанности, связанные с представлением в судебном заседании интересов П., тем самым лишив его права на защиту и доведение до суда позиции по уголовному делу, то есть нарушил гарантированное Конституцией Российской Федерации право осужденного на защиту.

Кроме того, адвокат Борисов Ю.В., защищая П. в суде апелляционной инстанции, заявил, что вина П. в инкриминируемом ему преступлении нашла полное подтверждение, а на реплику прокурора о частичном признании П. вины, заявил, что П. полностью признает свою вину [95].

В другом пример, несмотря на позицию осужденной И., заключающуюся в отрицании хищения чужого имущества путем присвоения и растраты, а также легализации денежных средств и имущества, защитник – адвокат Толстов П.В., выступая в прениях сторон, полагал, что действия И. следовало квалифицировать (расследовать уголовное дело) по части 1 статьи 201 УК РФ, а также изложил характеризующие сведения личности И., которые должны учитываться судом при назначении наказания, такие как – отсутствие судимости, положительные характеристики, наличие малолетнего и несовершеннолетнего ребенка, возможность отсрочки отбывания наказания, в соответствии с положениями статьи 82 УК РФ, дав им соответствующую оценку. Подсудимой и ее адвокату предоставлялось дополнительное время для согласования позиции в связи с тем, что в выступлении защитника на стадии прений сторон были выявлены несовпадения в позиции защиты в вышеуказанной части. В дальнейшем И. от выступления в судебных прениях отказалась, а в последнем слове осужденная вновь привела доводы о своей невиновности, при этом о квалификации ее действий по статье 201 УК РФ, сведений, характеризующих ее личность и оценки предложенного государственным обвинителем наказания, осужденная не высказывала.

По мнению суда апелляционной инстанции, указанное свидетельствует о том, что адвокат Толстов П.В. занял по делу иную позицию, противоречащую воле своей подзащитной.

Между тем из материалов уголовного дела не усматривалось данных о том, что в прениях адвокатом Толстовым П.В. была занята позиция, прямо противоречащая позиции и интересам подсудимой И. Так, из протокола судебного заседания следовало, что адвокат Толстов П.В. в прениях подверг критике обвинение и просил оправдать И. Аналогичная позиция была занята и подсудимой. Что же касается ссылки суда на высказанное адвокатом мнение о том, что действия И. следовало квалифицировать по ч. 1 ст. 201 УК РФ, то из речи адвоката в прениях видно, что он не просил суд переквалифицировать действия И. на ст. 201 УК РФ, а лишь обратил внимание на допущенное

органами следствия противоречие, выразившееся в том, что в постановлении о привлечении И. в качестве обвиняемой указаны признаки преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 201 УК РФ, в то время как обвинялась она по ч. 4 ст. 160 УК РФ, в связи с чем невозможно осудить лицо за совершение преступления, предусмотренного другой статьей УК РФ.

После объявления судом перерыва в прениях для устранения сомнений в позиции стороны защиты адвокат Толстов П.В. выступил с репликой, в которой выразил солидарность с позицией его подзащитной в непризнании вины и пояснил о невозможности переквалификации ее действий. Изложение же защитником в прениях сведений, которые подлежат учету судом при назначении подсудимой наказания в сторону его смягчения, а также оспаривание защитником сведений относительно обстоятельств, учитываемых при назначении наказания, сообщенных в своем выступлении государственным обвинителем, интересам И. не противоречит. Помимо этого, как усматривается из протокола судебного заседания, при рассмотрении уголовного дела в суде апелляционной инстанции осужденной И. было заявлено об отсутствии каких-либо противоречий в позиции между ней и ее адвокатом [105].

На практике при коллизионной защите адвокаты могут использовать альтернативу тогда, когда не уверен, что сумеет убедить суд в невиновности подзащитного и опасается упустить возможность для смягчения его ответственности, построив защиту лишь на доказывании невиновности [63, с. 119].

Использование альтернативы в защитительной речи адвоката вызывало и вызывает споры в литературе. Можно или нельзя просить в речи о вынесении взаимоисключающих вариантов будущего приговора:

- оправдание или переквалификация действий подсудимого;
- оправдание или смягчение наказания.

Эти вопросы до сих пор не получили окончательного разрешения в адвокатской практике. Отметим, что у альтернативы славная родословная.

Отношение к альтернативе как обычному приему в адвокатской практике было характерным для дореволюционной адвокатуры. Это отметил К. Хартулари в одной из своих речей: «Часто защитники... просят одновременно или о признании их клиентов невиновными или же о смягчении им наказания» [134, с. 809].

Альтернатива в адвокатской практике может быть прежде всего объяснена спецификой положения адвоката в уголовном процессе: для адвоката характерен феномен двойной идентификации. Он идентифицирует себя и с подзащитным, и с судом. В первом случае он стремится всячески, по максимуму помочь подзащитному, например, когда он не признает своей вины и ожидает того же и от своего защитника. Однако идентификация с подзащитным недостаточна: адвокат идентифицирует себя и с судом, всячески стремясь, чтобы его позиция была понята и принята судом.

Однако обращение к альтернативе означает, что защитник подрывает свое же обращение к суду об оправдании обоснованием другой позиции - о переквалификации или смягчении наказания.

То есть, другими словами, альтернатива - это не что иное, как попытка совмещения в одном лице функции защиты (оправдание) и функции обвинения (переквалификации). Сочетание этих двух функций в отношении одного и того же лица представляет собой грубейшее нарушение п. 1 ст. 49 УПК РФ, вменяющего в обязанность адвокату только защиту прав и интересов подзащитного. Следовательно, и с точки зрения УПК РФ защитник вправе выходить за пределы защиты. Защитник в такой ситуации напоминает человека, который хочет сидеть на двух стульях.

Есть и иные соображения не в пользу альтернативы. Альтернатива в речи означает, в частности, готовность защитника согласиться с любым выбором суда из предложенных им вариантов. Конечно, вариант с оправданием является предпочтительным для адвоката, но ведь рядом с ним защитник обосновывает и переквалификацию, а подчас и смягчение наказания.

Оставляя за судом выбор варианта из сформулированных в альтернативе, защитник ставит себя в двусмысленное положение, когда он обжалует тот приговор, о вынесении которого он же и просил, и тем более, когда выступает против него же в кассационной инстанции. Таким образом, адвокат становится заложником альтернативы: меньшая из двух целей альтернативы лишает его оснований бороться за оправдание: он получил именно то, что просил.

Получается, что альтернатива по природе своей не способствует оправданию, а напротив, ослабляет шансы на оправдание. Налицо противоречие между субъективным и объективным. Самое искреннее стремление использовать альтернативу как орудие для достижения оправдания не дает, как правило, и не может дать желательный результат.

Таким образом, и с процессуальной точки зрения, альтернатива не соответствует интересам защиты.

И, наконец, нельзя недооценивать и психологический фактор – внушающее воздействие на суд: уж если защитник допускает возможность обвинительного приговора, то у суда могут исчезнуть всякие сомнения в его правомерности, и шансы на оправдательный приговор могут быть сведены на нет.

Проведенный анализ речи защитника, позволяет сделать вывод о том, что выявленные проблемы, возникающие при участии защитника в прениях сторон, связаны с отсутствием в УПК РФ требований к защитительной речи. Представляется, что данный пробел возможно было бы восполнить включением в главу 38 УПК РФ отдельной статьи, в которой предусмотреть содержание защитительной речи и перечень запретов, которые не допускаются использовать в речи.

Таким образом, речь защитника в прениях сторон – это кульминация всей работы защитника в судебном процессе. Это не просто повторение уже сказанного, а логически выстроенный аргумент, направленный на убеждение суда в невиновности подзащитного или смягчении его вины. Защитник, как

правило, последний, кто обращается к суду перед вынесением приговора, и от его слов во многом зависит исход дела. Защитительная речь играет важную роль в обеспечении справедливого и объективного рассмотрения уголовного дела. Она является последней возможностью для защиты представить свою позицию и повлиять на решение суда. Хорошо подготовленная и мастерски произнесенная защитительная речь может изменить ход процесса, смягчить наказание или даже привести к оправдательному приговору. Она является гарантом права обвиняемого на защиту и одним из важнейших элементов состязательного уголовного процесса. Защитительная речь не просто защищает конкретного человека, она укрепляет веру в справедливость и законность правосудия.

3.3 Проблемные аспекты участия защитника в доказывании и пути их решения

Правовое регулирование деятельности адвоката по собиранию доказательств является достаточно скудным и сложным для восприятия, поскольку на него указывается лишь в ст. 53 УПК РФ, где приведен перечень тех полномочий, которые получает защитник с того момента, когда вступает в дело.

Исходя из ст. 53 УПК РФ, собирание доказательств – это право адвоката.

УПК РФ в части участия адвоката в доказывании не согласован с некоторыми нормами Федерального закона об адвокатуре:

- в УПК РФ - защитник собирает доказательства (ч. 3 ст. 86 УПК РФ), а в п. 1 ч. 3 ст. 6 Федерального закона об адвокатуре - предоставлено право собирать сведения, документы, которые могут быть признаны доказательствами;
- согласно п. 3 ч. 1 ст. 53 УПК РФ защитник обладает правом привлекать специалиста и при этом ему не может быть отказано в удовлетворении соответствующего ходатайства. Федеральный закон

об адвокатуре предоставил адвокату право привлекать специалистов на договорной основе с целью разъяснения вопросов по конкретному уголовному делу [28, с. 46].

Как можно заметить, законодатель использует разнопорядковые термины.

Однако участие защитника в доказывании на практике встречается с рядом препятствий. Так, одним из наиболее распространенных препятствий является субъективная оценка судом и следствием допустимости доказательств, представленных защитником. Следствие и суд часто неохотно принимают доказательства, собранные защитой, мотивируя это тем, что они получены с нарушением закона, не имеют отношения к делу или являются недостоверными. В то же время, аналогичные доказательства, собранные стороной обвинения, принимаются без особых проблем. Существует тенденция к более строгому отношению к доказательствам, представленным защитой, что подрывает принцип равенства сторон. Необходимо внести ясность в критерии оценки допустимости доказательств, собираемых стороной защиты, и установить четкие гарантии их рассмотрения наравне с доказательствами обвинения.

Защита зачастую сталкивается с трудностями в получении необходимой информации для сбора доказательств. Следственные органы могут затягивать с предоставлением защите информации, необходимой для сбора доказательств, ссылаясь на тайну следствия или иные основания. Кроме того, адвокаты могут испытывать проблемы с получением доступа к свидетельским показаниям, документам и иным материалам, имеющим значение для дела. Ограничение доступа к информации существенно затрудняет возможность защитника сформировать полноценную позицию по делу и представить убедительные доказательства в защиту своего подзащитного. Необходимы механизмы, гарантирующие своевременный и полный доступ защитника к информации, имеющей значение для дела.

Процессуальные полномочия защитника в части собирания доказательств ограничены. В отличие от следователя, защитник не имеет права проводить следственные действия (обыски, выемки, экспертизы) в полном объеме. Он может лишь опрашивать свидетелей, собирать документы и предметы, а также привлекать специалистов для дачи заключений. Ограниченность процессуальных возможностей ставит защитника в неравное положение со стороной обвинения и затрудняет эффективный сбор доказательств в пользу подзащитного. Следует рассмотреть вопрос о расширении процессуальных возможностей защитника в части собирания доказательств, например, предоставить ему право заявлять ходатайства о проведении следственных действий и получать мотивированные ответы на них.

Важно обратить внимание на то, что у адвоката есть два пути доказывания в случае, когда его подзащитный отрицает свою виновность. Защитник в таком случае доказывает необоснованность предъявленного обвинения посредством:

- дезавуирования доказательств, положенных в основу обвинения, т.е. доказать несостоятельность таких доказательств, что они являются недопустимыми, недостоверными. В данном случае деятельность адвоката направлена на доказывание неприемлемости представленных стороной обвинения доказательств;
- представления в ходе предварительного расследования новые доказательства, т.е. осуществляет деятельность по собиранию доказательств [56, с. 18].

Указанные два способа применяются защитником в совокупности, т.е. доказывая недостоверность того или иного доказательства, адвокат одновременно представляет новые доказательства.

Итак, защитник осуществляет доказательственную деятельность посредством доказывания неприемлемости представленных стороной

обвинения доказательств и представления новых доказательств, т.е. осуществляет деятельность по собиранию доказательств.

Для того что бы доказать неприемлемость доказательств стороны обвинения защитник осуществляет деятельность по оценке доказательств, которую условно может быть отнесена к деятельности по собиранию доказательств, поскольку, таким образом, нередко удается исключить те или иные доказательства обвинения.

Защитник как участник уголовного процесса, вправе оценивать доказательства стороны обвинения, оспаривая их допустимость.

Одним из способов собирания доказательств является опрос, который может быть произведен лишь с согласия того лица, которое опрашивается. При этом, законодательно никаких разъяснений по поводу того, каким образом надлежит производить опрос и оформлять его результаты, не приводится. Что касается содержательной части опроса, то здесь обозначено, что он может представлять собой либо ответы на конкретные вопросы, либо форму свободного рассказа с постановкой уточняющих вопросов.

Опрос должен заверяться с соблюдением тех требований, которые предусматриваются для допроса свидетеля [75, с. 162].

В то же время, указанные рекомендации, исходя из их названия, обладают именно рекомендательным характером, и рассматривать их как обязательные вряд ли возможно. То есть, к примеру, если защитником будет составлен не акт опроса, а протокол опроса либо любой иной документ, имеющий в названии слово опрос, это не может рассматриваться как нарушение требования к собиранию доказательств.

При этом, складывается несколько парадоксальная ситуация по поводу того, является ли опрос доказательством или нет. В перечень доказательств опрос защитника не включен. Высшая судебная инстанция придерживается той позиции, что сведения, полученные защитником в результате опроса лиц, не являются показаниями свидетеля или потерпевшего, так как они получены «в условиях отсутствия предусмотренных уголовно-процессуальным законом

гарантий их доброкачественности и поэтому могут рассматриваться в качестве оснований для вызова и допроса указанных лиц в качестве свидетелей, потерпевшего или для производства других следственных действий по собиранию доказательств, а не как доказательства по делу» [42]. Таким образом, можно сделать вывод, что результаты опроса защитника доказательствами не являются.

Такой способ собирания защитником доказательств, как получение предметов, документов и иных сведений, также законодательно не регламентирован, исходя из методических рекомендаций, их получение возможно только на добровольной основе, когда на это получено согласие владельца предметов или документов. Для этого адвокатом должно быть получено письменное заявление от владельца, отражающее данное согласие.

При этом, имеются рекомендации по поводу того, что именно должно содержаться в данном заявлении: при каких обстоятельствах и когда был получен данный предмет, каковы его признаки, в связи с чем и для каких целей лицо желает передать предмет [35, с. 32].

Еще один способ собирания доказательств защитником – запрос справок, характеристик и иных документов. Ответ на данный запрос должен быть дан не позднее, чем через 30 суток с момента поступления запроса, а в исключительных случаях данный срок может быть продлен еще на 30 суток. Форма адвокатского запроса утверждена нормативно [123]. После того, как защитник получит данные документы, он обращается с ходатайством к следователю о приобщении их к материалам уголовного дела.

Однако на практике основной проблемой реализации адвокатского запроса является, установленный ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона об адвокатуре закрытый перечень оснований, при наличии которых адвокату может быть отказано в предоставлении запрашиваемой информации. Зачастую адвокату отказывают по такому основанию, как отнесение запрошенных сведений к информации ограниченного доступа [37, с. 9].

Фактически, можно утверждать, что единственным способом, посредством которого защитник может реализовать свое право собирания доказательств, является заявление ходатайства.

Возникает вопрос и по поводу того, может ли рассматриваться как деятельность по собиранию доказательств защитником участие его в следственных действиях. Видится верной позиция тех исследователей, которые полагают, что участие защитника в производстве следственных действий является способом собирания защитником доказательств по уголовному делу.

На практике зачастую следователи и дознаватели отказывают в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении к уголовному делу результатов опроса. Такие отказы обосновывают тем, что УПК РФ не предусматривает такой вид доказательства, как опрос свидетеля, производимый адвокатом [2]. Аналогичным образом и суды игнорируют результаты доказательственной деятельности защитника.

Имеются проблемы и при реализации отдельных способов получения доказательств, к примеру, получение предметов, документов и иных вещественных доказательств.

В данном случае может возникнуть парадоксальная ситуация, когда, к примеру, содержащимся под стражей обвиняемым своему защитнику указывается на то, где находятся вещественные доказательства бесхозно (к примеру, где-то спрятаны).

Получается, что защитник не может самостоятельно выполнить действия по собиранию данных доказательств, так как нет возможности получить согласие владельца на это, единственный выход тут – обратиться к следователю с ходатайством о производстве изъятия данных предметов, рассмотрение данного ходатайства может занять определенное время, за которые доказательства могут быть утрачены, либо следователь может вообще отказать в удовлетворении данного ходатайства, лишив таким образом защитника возможности доказательства изъять.

В целом, в настоящее время защитник фактически не имеет возможности осуществлять деятельность по собиранию доказательств, поскольку предоставляемые им доказательства, рассматриваются лишь в качестве ориентирующей информации. Полученные защитником сведения могут стать доказательством, только в случае их приобщения к делу в качестве доказательств.

На необходимость совершенствования законодательства и практики в сфере реализации защитником своего права на собирание доказательств обращают внимание многие исследователи, предлагая различные варианты решения данной проблемы.

Так, заслуживает внимания позиция о том, что следует внести в ст. 74 УПК РФ дополнения в следующей формулировке: «все предусмотренные в ч. 3 ст. 86 УПК РФ доказательства, собранные адвокатом-защитником, рассматриваются в качестве доказательств по уголовному делу наравне с теми доказательствами, которые собраны органом уголовного преследования» [70, с. 285].

Верной видится позиция тех исследователей, которые отмечают, что предоставление законодателем защитника право предоставлять доказательства, должна сочетаться с соответствующей обязанностью следователя данные доказательства к уголовному делу приобщать. При этом, в настоящее время, действительно, у защитника фактически возможность собирать доказательства нет, это право является лишь формально продекларированным [83, с. 14].

Интерес представляет позиция Конституционного Суда РФ по решению вопроса о том, каким образом следует рассматривать деятельность защитника по собиранию доказательств.

Как несложно заметить, Конституционный Суд РФ позицию занимает двоякую – с одной стороны указывается на необходимость приобщения тех сведений, которые были получены защитником при реализации полномочий

по собиранию доказательств, с другой стороны – указывается на то, что эти сведения – не доказательства, а основания получения доказательств [96].

В ст. 119 УПК РФ предусматривается право защитника на заявление ходатайств о производстве процессуальных действий. В ст. 159 УПК РФ установлен запрет на отказ в удовлетворении соответствующего ходатайства защитника.

При этом, следователь вполне может иметь субъективное мнение о том, что данные обстоятельства для дела значения не имеют, что, фактически, дает законное право в удовлетворении данного ходатайства отказать [12, с. 32].

Представляется необходимым четко определить порядок собирания доказательств защитником различными путями.

Так, можно в УПК РФ закрепить положение о том, каким образом сведения, могут быть зафиксированы, предусмотрев четко определенную процессуальную форму фиксации.

Аналогичным образом должен быть решен вопрос и о получении предметов, документов, иных сведений.

Также видится необходимым сокращение срока ответа на адвокатский вопрос до 10 суток, что позволит оперативно получать необходимые сведения.

Проведенный в третьей главе магистерской диссертации анализ участия защитника в судебном производстве и вы доказывании, позволяет сделать следующие выводы.

Во-первых, в подготовительной части судебного заседания происходит заявление и разрешение ходатайств в соответствии со ст. 271 УПК РФ. Однако, несмотря на указанные положения, зачастую на практике, заявленные защитниками ходатайства в предварительном слушании об исключении доказательств отклоняются судом с формулировкой «преждевременность заявленного ходатайства». Целесообразно было бы в ст. 389.2 УПК РФ закрепить возможность апелляционного обжалования ходатайств об исключении доказательств.

Во-вторых, в адвокатской практике обсуждается вопрос о правильной подготовке защитительной речи. При этом относительно составления предварительного письменного его текста мнения практиков расходятся. Следует согласиться с тем, что подготовка к защитительной речи – это субъективный подход каждого оратора. Однако в любом случае, не стоит отказываться от подготовки развернутого конспекта или составления основных тезисов.

На практике встречаются случаи, когда председательствующий произвольно устанавливает запреты в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, тогда как при оценке таких запретов надлежит исходить из их действительного характера и предусмотренностью уголовно-процессуальным законом. Поэтому, в УПК РФ установить конкретный перечень запретов, произвольное расширение которых должно быть недопустимым.

Необходимо главу 38 УПК РФ дополнить отдельной статьи, в которой предусмотреть содержание защитительной речи и перечень запретов, которые не допускается использовать в речи.

В-третьих, на практике основной проблемой реализации адвокатского запроса является, установленный ч. 4 ст. 6.1 Федерального закона об адвокатуре закрытый перечень оснований, при наличии которых адвокату может быть отказано в предоставлении запрашиваемой информации. Зачастую адвокату отказывают по такому основанию, как отнесение запрошенных сведений к информации ограниченного доступа. Фактически, можно утверждать, что единственным способом, посредством которого защитник может реализовать свое право собирания доказательств, является заявление ходатайства. На практике зачастую следователи и дознаватели отказывают в удовлетворении ходатайства защитника о приобщении к уголовному делу результатов опроса. Имеются проблемы и при реализации отдельных способов получения доказательств, к примеру, получение предметов, документов и иных вещественных доказательств.

В целом, в настоящее время защитник фактически не имеет возможности осуществлять деятельность по собиранию доказательств, поскольку предоставляемые им доказательства, рассматриваются лишь в качестве ориентирующей информации. Полученные защитником сведения могут стать доказательством, только в случае их приобщения к делу в качестве доказательств. Верной видится позиция тех исследователей, которые отмечают, что предоставление законодателем защитника право предоставлять доказательства, должна сочетаться с соответствующей обязанностью следователя данные доказательства к уголовному делу приобщать. При этом, в настоящее время, действительно, у защитника фактически возможность собирать доказательства нет, это право является лишь формально продекларированным.

Необходимо совершенствовать законодательство и практику в сфере реализации защитником своего права на собирание доказательств. Предоставление законодателем защитника право предоставлять доказательства, должна сочетаться с соответствующей обязанностью следователя данные доказательства к уголовному делу приобщать.

Заключение

В заключении следует подвести итоги проведенному исследованию.

Во-первых, процессуальная природа защиты заложена в праве каждого на защиту, которое в уголовном процессе рассматривается как собирательное понятие, включающее процессуальные возможности подозреваемого (обвиняемого) осуществлять свою защиту и корреспондирующая данному праву обязанность его обеспечения дознавателем, следователем, прокурором, судьей без каких-либо ограничений и препятствий. Уголовно-процессуальная защита осуществляется посредством определенных способов, одним из которых является осуществление предусмотренных УПК РФ прав и обязанностей, возложенных на субъектов защиты. Уголовно-процессуальная защита шире, чем функция защиты, которая осуществляется только в отношении лиц, прямо обозначенных в п. 46 ст. 5 УПК РФ, т.е. имеющих определенный процессуальный статус.

Во-вторых, УПК РФ допускает возможность привлечения в качестве защитников и непрофессионалов, которые могут быть допущены только наряду с адвокатом. УПК РФ не предусматривает конкретных критериев оценки возможности участия близких родственников и иных лиц в качестве защитников, если не считать указания на возможность оказания юридической помощи. Оказываемая непрофессиональными защитниками юридическая помощь, не является квалифицированной. Однако, в уголовный процесс в качестве защитников целесообразно привлекать только лиц, из числа адвокатов, что гарантировало бы оказание квалифицированной юридической помощи. Для решения выявленной проблемы необходимо в ч. 2 ст. 49 УПК РФ внести соответствующие изменения.

Защитник в уголовном процессе относится к стороне защиты и является самостоятельной процессуальной фигурой, действующей в интересах подзащитного, но от своего лица. Характер полномочий защитника включает не только полномочия, характерные непосредственно для защитника, но и

полномочия, свойственные для адвоката-представителя в состязательном процессе. Обязанности защитника не имеют четкой регламентации, что позволяет сделать вывод об отсутствии разумного баланса прав и обязанностей защитника. Тогда как права защитника должны уравновешиваться его обязанностями, которые должны включать такие обязанности, как соблюдать закон, представлять интересы своего подзащитного добросовестно и профессионально, не вводить суд в заблуждение, не затягивать судебный процесс и злоупотреблять своими правами. Только при наличии разумного баланса прав и обязанностей защитника можно обеспечить справедливую и эффективную реализацию права на защиту в уголовном процессе.

В-третьих, обращает на себя внимание определенная некорректность, допущенная в ч. 3 ст. 52 УПК РФ, в которой применительно к отказу от защитника указывается на право подозреваемого, обвиняемого ходатайствовать о допуске защитника, что противоречит ч. 2 ст. 49 УПК РФ. Поэтому, необходимо изложить ч. 3 ст. 52 УПК РФ в обновленной редакции, в которой учесть, что защитник из числа адвокатов вступает в уголовное дело.

Несмотря на то, что в ч. 4 ст. 49 УПК РФ прямо указано на то, что адвокат вступает в уголовное дело в качестве защитника по предъявлении удостоверения адвоката и ордера, на практике возникает множество споров относительно момента вступления адвоката-защитника в процесс. Вместе с тем от решения данного вопроса зависит законность процессуальных действий.

Выполнение процессуальных обязанностей защитника предполагает наличие у него ордера на ведение уголовного дела конкретного лица и не ставится в зависимость от усмотрения должностного лица или органа, в производстве которых находится дело. Следовательно, действующее правовое регулирование закрепляет уведомительный, а не разрешительный порядок вступления адвоката в дело.

Кроме того, адвокат не может считаться приобретшим статус защитника до выяснения им наличия/отсутствия обстоятельств, препятствующих ему принять на себя защиту конкретного лица.

В-четвертых, необходимо расширить процессуальный статус подозреваемого с момента осуществления фактических действий, направленных на изобличение лица в совершении преступления и до момента предъявления в установленном законом порядке обвинения.

Адвокат в доследственной проверке может выступать только в процессуальном статусе защитника. В связи с чем, целесообразно расширить понятие защитника в ч. 1 ст. 49 УПК РФ, дополнив ее указанием на лиц, в отношении которых проводится проверка сообщения о преступлении.

В-пятых, порядок реализации права на свидание с подзащитным регламентируется процессуальным законодательством и правилами внутреннего распорядка мест содержания под стражей. Однако на практике реализация этого права может сталкиваться с рядом препятствий. Конфиденциальность свиданий гарантирует, что ни одна из сторон не будет иметь возможности повлиять на показания подзащитного или воспрепятствовать свободному обмену информацией между ним и его защитником. Однако на практике такая конфиденциальность не всегда соблюдается. В связи с чем, необходимо следователя наделить обязанностью обеспечить условия для проведения свидания защитника с подозреваемым или обвиняемым в условиях, отвечающих требованиям конфиденциальности. Как, например, это сделано применительно к праву защитника заявлять ходатайства и отводы (п. 8 ч. 1 ст. 53 УПК РФ), подкрепленное обязанностью должностного лица это ходатайство рассмотреть и принять по нему законное и обоснованное решение (ст. 119-122 УПК РФ).

Итак, ч. 2 ст. 38 УПК РФ следует дополнить п. 5.1 следующего содержания: «5.1) принять меры по обеспечению свидания защитника с подозреваемым, обвиняемым наедине и конфиденциально;».

Обращено внимание на то, что законодатель не указал защитника в ст.

69 УПК РФ в числе лиц, которые могут заявлять отвод переводчику. Поэтому, целесообразно ч. 2 ст. 69 УПК РФ дополнить указанием на защитника, который может заявить отвод переводчику в случае обнаружения его некомпетентности. Кроме того,

Относительно такого права, как дача подзащитному кратких консультаций на практике отмечается частое злоупотребление им. В связи с чем, необходимо в ст. 5 УПК РФ закрепить легальное определение краткой консультации защитника, как консультации, которые не содержат ответы на поставленные следователем вопросы. Данное нововведение позволило бы предотвратить допускаемые защитниками злоупотребления, когда они диктуют своим доверителям полный ответ на поставленный следователем вопрос при допросе.

В-шестых, на стадии подготовки к судебному заседанию защитник участвует в предварительном слушании. В подготовительной части заявляются и разрешаются ходатайства. Защитник может заявить ходатайство об исключении доказательства. Однако на практике такие ходатайства защитника отклоняются судом. В связи с чем, целесообразно в ст. 389.2 УПК РФ предусмотреть апелляционного обжалования судебных постановлений или определений об отказе в рассмотрении и/или удовлетворении ходатайства об исключении доказательства.

Все права защитника в стадии судебного следствия можно разделить на общие (предусмотрены ст. 53 УПК РФ) и специальные права. Последние, т.е. специальные права защитника в стадии судебного следствия детализированы в главе 37 УПК РФ.

В-седьмых, в адвокатской практике обсуждается вопрос о правильной подготовке защитительной речи. При этом относительно составления предварительного письменного его текста мнения практиков расходятся. Следует согласиться с тем, что подготовка к защитительной речи – это субъективный подход каждого оратора. Однако в любом случае, не стоит

отказываться от подготовки развернутого конспекта или составления основных тезисов.

На практике встречаются случаи, когда председательствующий произвольно устанавливает запреты в ходе судебного разбирательства с участием присяжных заседателей, тогда как при оценке таких запретов надлежит исходить из их действительного характера и предусмотренностью уголовно-процессуальным законом. Поэтому, целесообразно в УПК РФ установить конкретный перечень запретов, произвольное расширение которых должно быть недопустимым.

Выявленные проблемы, возникающие при участии защитника в прениях сторон, связаны с отсутствием в УПК РФ требований к защитительной речи. Представляется, что данный пробел возможно было бы восполнить включением в главу 38 УПК РФ отдельной статьи, в которой предусмотреть содержание защитительной речи и перечень запретов, которые не допускается использовать в речи.

В-восьмых, рассматривая средства участия адвоката в доказывании в стадии предварительного расследования, было отмечено, что у адвоката есть два пути доказывания в случае, когда его подзащитный отрицает свою виновность. Доказывать в таком случае защитник будет необоснованность предъявленного обвинения посредством:

- доказать несостоятельность таких доказательств, что они являются недопустимыми, недостоверными;
- представления в ходе предварительного расследования новые доказательства, т.е. осуществляет деятельность по собиранию доказательств.

Доказывая недостоверность того или иного доказательства, адвокат одновременно представляет новые доказательства.

В настоящее время защитник фактически не имеет возможности осуществлять деятельность по собиранию доказательств. Предложено ст. 74 УПК РФ дополнить положением о том, что доказательства, собранные

адвокатом-защитником, рассматриваются в качестве доказательств наравне с доказательствами, собранными органом уголовного преследования.

Право защитника предоставлять доказательства, необходимо обеспечить соответствующей обязанностью следователя по приобщению данных доказательств к уголовному делу. При этом, в настоящее время, у защитника фактически возможность собирать доказательства нет, это право является лишь формально продекларированным.

Таким образом, деятельность защитника в уголовном процессе – это краеугольный камень справедливого правосудия, гарантия соблюдения прав и законных интересов обвиняемого (подозреваемого). Она пронизывает все стадии уголовного судопроизводства, начиная с момента задержания и заканчивая исполнением приговора, и играет жизненно важную роль в обеспечении состязательности и равноправия сторон. Сложность и многогранность этой деятельности обусловлена необходимостью противостоять мощному аппарату государственного обвинения, зачастую обладающему значительными ресурсами и административным влиянием.

Эффективность деятельности защитника напрямую влияет на исход уголовного дела. Квалифицированный защитник способен предотвратить незаконное осуждение, добиться оправдательного приговора или смягчения наказания. Он обеспечивает соблюдение законности на всех этапах уголовного процесса, предотвращая злоупотребления со стороны должностных лиц и защищая права и свободы человека. В целом, деятельность защитника в уголовном процессе имеет огромное значение для обеспечения справедливого правосудия и защиты прав и свобод человека. Это сложная и ответственная работа, требующая высокого профессионализма, принципиальности и преданности своему делу. От эффективности работы защитника зависит судьба человека, обвиняемого в совершении преступления. Он – последняя надежда на справедливость в системе уголовного судопроизводства.

Список используемой литературы и используемых источников

1. «Апелляционное определение Верховного суда Республики Калмыкия от 21.01.2022 г. по делу № 22-4/2022 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
2. Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 04.07.2013 г. № 41-АПУ13-13сп. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
3. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 13.03.2024 г. № 55-45/2024 (УИД 66OS0000-01-2023-000620-24) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
4. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 18.06.2024 г. по делу № 55-205/2024 (УИД 66OS0000-01-2023-001171-20) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
5. Апелляционное определение Омского областного суда от 22.01.2020 г. № 22-176/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
6. Апелляционное определение Орловского областного суда от 01.04.2021 г. № 33а-736/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
7. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 30.08.2022 г. № 22-5550/2022 по делу № 1-650/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
8. Апелляционное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 24.09.2019 г. № 51-АПУ19-17 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
9. Апелляционное постановление Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 27.04.2021 г. № 22К-629/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
10. Апелляционное постановление Московского городского суда от 20.07.2021 г. № 10-14352/2021 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

11. Баев М.О. Теоретические и практические основы профессиональной защиты от уголовного преследования. М., 2014. 320 с.
12. Бакашев М.Ш. Механизм собирания доказательств защитником // Права человека: история, теория, практика. Седьмая Всероссийская научно-практическая конференция, посвященная 25-летию Конституции Российской Федерации: Сборник научных статей. Курск, 2018. 144 с.
13. Безлепкин Б.Т. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации (постатейный). 16-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. 672 с.
14. Белоковылский М.С., Игнатьев А.Н. За гранью процессуального конфликта: к вопросу о незаконном противодействии сторон в уголовном процессе // Адвокат. 2009. № 8. С. 24-32.
15. Беляева Е.С. Проблема участия «иноного» лица в качестве защитника в уголовном судопроизводстве // Отечественная юриспруденция. 2020. № 3 (42). С. 42-43.
16. Берова Д.М. Реализация функции защиты в уголовном судопроизводстве // Российский судья. 2009. № 7. С. 30-34.
17. Бессарабов В.Г., Косарев М.А. Понятие правового статуса адвоката // Право и политика. 2005. № 11. С.93-102.
18. Ботнев В.К. Защитительная речь адвоката // Пробелы в российском законодательстве. 2010. № 4. С. 251-255.
19. Булгаков С.Н. Стадии судебного разбирательства // СПС КонсультантПлюс. 2024.
20. Буфетова М.Ш., Романцов А.М. Актуальные проблемы заявления защитником ходатайства об исключении доказательства в стадии подготовки дела к судебному заседанию // Адвокатская практика. 2023. № 4. С. 29-33.
21. Васильева О.М. К вопросу об участии адвоката-защитника на стадии возбуждения уголовного дела // Адвокат. 2011. № 5. С. 41-47.

22. Вдовцев П.В., Чарыков А.В. О некоторых проблемных вопросах статуса защитника в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2023. № 2. С. 11-15.

23. Волосова Н.Ю. В защиту профессиональных прав адвоката: о праве адвоката отказаться от принятой на себя защиты по уголовным делам // Адвокатская практика. 2019. № 5. С. 25-30.

24. Вражнов А.С. Проблемные ситуации защитника на стадиях возбуждения уголовного дела и предварительного расследования // Адвокатская практика. 2019. № 2. С. 31-34.

25. Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948) // Российская газета. 1995. 05 апреля. № 67.

26. Выдря М. М. Функция защиты в советском уголовном процессе // Советское государство и право. 1978. № 1. С. 89-91.

27. Григорян В. Л. Защита как системообразующий фактор уголовного судопроизводства и принципы ее осуществления. Саратов, 2012. 270 с.

28. Гришина Е.П. К вопросу о противоречиях и недоработках правового регулирования участия адвоката-защитника в уголовно-процессуальном доказывании // Адвокатская практика. 2018. № 1. С. 46-49.

29. Гурдин С.В. К вопросу о процессуальном положении адвоката на стадии возбуждения уголовного дела // Вестник экономической безопасности. 2021. № 2. С. 131-132.

30. Давлетов А.А. Третий статус адвоката в уголовном процессе // Адвокатская практика. 2015. № 4. С. 9-13.

31. Даровских О.И. Реализация обвиняемым права на защиту и злоупотребление правами на стадии предварительного расследования // Закон. 2024. № 4. С. 61-70.

32. Демин М.В. Природа деятельности. М.: Издательство Московского университета, 1984. 168 с.

33. Дмитриева Н.А. Функция защиты в российском уголовном процессе и роль в ней института адвокатуры : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 30 с.
34. Дорошева А.А. Развитие научной мысли об уголовно-процессуальных функциях участников уголовного судопроизводства в трудах ученых-процессуалистов конца XIX в. // Адвокатская практика. 2022. № 3. С. 58-60.
35. Егоров Н.Н. К вопросу о собирании доказательств защитником на стадии предварительного расследования // Право и правопорядок. Вопросы теории и практики. 2018. С. 32-36.
36. Жадяева М.А. Нюансы защитительной речи адвоката // Адвокатская практика. 2021. № 2. С. 28-30.
37. Журкина О.В., Филиппова Е.О. Актуальные вопросы реализации права на адвокатский запрос // Адвокатская практика. 2019. № 2. С. 9-12.
38. Заика С.В. Способы реализации права адвоката-защитника на собирание доказательств в уголовном процессе путем получения предметов, документов и истребования справок, характеристик, иных сведений и документов // Адвокатская практика. 2022. № 1. С. 15-19.
39. Записная Т.В. К вопросу о содержании понятия «квалифицированная юридическая помощь». Новочеркасск: ЮРГТУ (НПИ), 2013. 22 с.
40. Зинатуллин Т.З., Иерархия функций российского уголовного процесса // Российский судья. 2001. № 4. С. 46-49.
41. Калинин Л.Д., Соткова В.В. О дозволениях и запретах в защитительной речи адвоката в суде с участием присяжных заседателей // Проблемы экономики и юридической практики. 2018. № 3. 270-274.
42. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 08.12.2004 г. № 3-О04-42 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.
43. Кассационное определение Верховного Суда РФ от 30.10.2012 г. по делу № 82-О12-33. [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

44. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 17.09.2024 г. № 77-2601/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

45. Кассационное определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.07.2024 г. № 77-1990/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

46. Кассационное определение Девятого кассационного суда общей юрисдикции от 09.11.2022 г. № 77-2070/2022 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

47. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 17.07.2024 г. по делу № 77-963/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

48. Кассационное определение Пятого кассационного суда общей юрисдикции от 19.08.2024 г. № 77-956/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

49. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 10.11.2021 г. № 88а-18760/2021 по делу № 2а-2399/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

50. Кассационное определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 22.09.2022 г. по делу № 77-2562/2022 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

51. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 13.06.2024 г. № 77-1390/2024 (УИД 30RS0004-01-2023-000796-62) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

52. Кассационное определение Четвертого кассационного суда общей юрисдикции от 21.12.2020 г. по делу № 77-2370/2020 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

53. Кассационное постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 01.08.2024 г. № 77-2020/2024 (УИД 77MS0302-01-2023-002904-26) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

54. Кодекс профессиональной этики адвоката (принят I Всероссийским съездом адвокатов 31.01.2003) (ред. от 15.04.2021) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.

55. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный текст Конституции РФ с внесенными поправками от 14.03.2020 опубликован на Официальном интернет-портале правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>, 04.07.2020.

56. Корневский Ю.В., Падва Г.П. Участие защитника в доказывании по новому уголовно-процессуальному законодательству. М.: Юристъ, 2004. 159 с.

57. Коробов И.З. Тактико-этические основы коллизионной защиты по уголовным делам: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. Воронеж. 2009. 209 с.

58. Купрейченко С.В. Защитник в уголовном процессе на стадии предварительного расследования: Автореферат дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007. 33 с.

59. Купрейченко С.В. Осуществление защиты как обязательный признак возникновения у адвоката статуса защитника в уголовном судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 4. С. 124 - 132.

60. Кутюмы Бовези // URL: http://www.vostlit.narod.ru/Texts/Dokumenty/France/XIII/1280-1300/Kutyimi_Bovezi/text.htm (дата обращения: 09.09.2024).

61. Лазарева В. Плохой хороший закон // Юридическая газета. 2011. № 10. С. 6-7.

62. Лазарева В.А. Досудебное производство в уголовном процессе России: место, роль, значение и перспективы развития // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2023. № 3 (54). С. 20-27.

63. Лазарева В.А. Теория судебной речи: Учебное пособие. Самара: Самарский университет, 2001. 260 с.

64. Лазарева В.А., Иванов В.В., Утарбаев А.К. Защита прав личности в уголовном процессе России. М., 2011.

65. Ларин А.М. Расследование по уголовному делу: процессуальные функции. М., 1986. 210 с.

66. Липинский Д.А., Вершинина С.И. К вопросу о дисбалансе прав и обязанностей некоторых субъектов уголовного процесса // Правовая культура. 2023. № 3 (54). С. 11-16.

67. Лифанова М.В. Актуальные вопросы статуса защитника в уголовном судопроизводстве современной России // Правовое государство: теория и практика. 2022. № 1 (67). С. 116-129.

68. Логинов Н.А. Обеспечение права на защиту в стадии возбуждения уголовного дела в Российской Федерации и иных государствах - членах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019. 240 с.

69. Лупинская П.А. Уголовный процесс: учебник для вузов / Под общ. ред. П.А. Лупинской. М.: Юристъ, 1995. 860 с.

70. Ляхова А.И. Проблемы участия адвоката-защитника в процессе доказывания по уголовному делу // Актуальные направления научных исследований: от теории к практике. 2016. № 2-2 (8). С. 285-288.

71. Макарова З.В. Профессиональная защита подозреваемых, обвиняемых. СПб., 2008. 340 с.

72. Макарова З.В. Судебная речь: Учебное пособие. Куйбышев. 1985. 128 с.

73. Малахова Л.Н. Уголовно-процессуальная деятельность: понятие, предмет и структура. Воронеж: Истоки, 2003. 133 с.

74. Малышева О.А. Процессуальная форма участия защитника в доказывании в досудебном производстве требует оптимизации // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 5. С. 123-131.

75. Мамедов Р.Я. Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе // Пробелы в российском законодательстве. 2016. № 2. С. 162-164.

76. Манова Н.С., Сибирцев Г.И. Сущность и цели уголовно-процессуальной защиты // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2020. № 11. С. 78-87.

77. Мартынчик Е.Г. Адвокатское расследование в уголовном процессе. Теоретико-методологические основы доктрины адвокатского расследования: Учеб. пособ. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2009. 290 с.

78. Маслова М.В. Особенности правового статуса защитника на этапе судебного следствия // Российский следователь. 2016. № 4. С. 31-35.

79. Маслова М.В. Речь защитника в прениях и репликах сторон // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 3. С. 144-158.

80. Матвиенко Е.А. Судебная речь. Минск, 1972. С. 203-207.

81. Международный пакт о гражданских и политических правах (Принят 16.12.1966 Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-ом пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 1994. № 12.

82. Морозова О.С. Оптимизация состава участников уголовного досудебного производства // Сибирское юридическое обозрение. 2024. № 2. С. 263-273.

83. Мухудинова Р.Н. Процессуальная деятельность защитника по собиранию и представлению доказательств в российском уголовном судопроизводстве. Саранск, 2011. 210 с.

84. Нажимов В.П. Об уголовно-процессуальных функциях // Известия Вузов. Правоведение. 1973. № 5. С. 73-77.

85. Нариманова Н.Р., Петрова Ю.В. Основания и порядок вступления защитника в уголовное дело на стадии предварительного расследования // В сборнике: Новеллы права, экономики и управления 2019. Сборник научных трудов по материалам V международной научно-практической конференции. 2020. С. 185-189.

86. Насонова И.А. О юридической природе уголовно-процессуальной защиты // Вестник Воронежского института МВД России. 2010. № 4. С. 144-149.

87. Насонова И.А. Основные характеристики субъекта уголовно-процессуальной защиты // Вестник Воронежского института МВД России. 2014. № 3. С. 106-111.

88. Насонова И.А. Уголовно-процессуальное понятие защиты // Пробелы в российском законодательстве. 2009. № 3. С. 166-168.

89. Насонова И.А. Участие адвоката-защитника на стадии предварительного расследования: дисс... канд. юрид. наук. Волгоград, 1998. 246 с.

90. Новая философская энциклопедия в четырех томах / Под ред. В.С. Степина. М., 2001. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/452/deyatelnost.htm> (дата обращения: 01.02.2025).

91. Новина Д.И. Адвокатура и адвокатская деятельность // СПС КонсультантПлюс. 2024.

92. Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 2 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 22.07.2020) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

93. Обзор судебной практики Верховного суда Чувашской Республики (по уголовным делам) № 1 (2019) (подготовлено Судебной коллегией по уголовным делам Верховного суда Чувашской Республики) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

94. Овсянников И.В. Об участии адвоката-защитника на начальных этапах досудебного производства // Российская юстиция. 2024. № 7. С. 23-29.

95. Определение Второго кассационного суда общей юрисдикции от 16.05.2023 г. № 88-13318/2023 по делу № 2-2646/2022 (УИД 44RS0002-01-2022-002852-36) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

96. Определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 г. № 100-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом

2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

97. Определение Конституционного Суда РФ от 06.07.2000 г. № 128-О «По жалобе гражданина Паршуткина Виктора Васильевича на нарушение его конституционных прав и свобод пунктом 1 части второй статьи 72 УПК РСФСР и статьями 15 и 16 Положения об адвокатуре РСФСР» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2001. № 1.

98. Определение Конституционного Суда РФ от 10.03.2022 г. № 497-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ненашева Дениса Валерьевича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 125 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

99. Определение Конституционного Суда РФ от 12.05.2003 г. № 173-О «По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

100. Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2005 г. № 208-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Корковидова Артура Константиновича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49 и частью седьмой статьи 236 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

101. Определение Конституционного Суда РФ от 24.10.2013 г. № 1557-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Куприянова Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав пунктами 11, 12 и 13 части четвертой статьи 47, пунктами 6 и 7 части первой статьи 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

102. Определение Конституционного Суда РФ от 26.04.2016 г. № 708-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Борисова Андрея Константиновича и Гладкова Владимира Михайловича на нарушение их конституционных прав частью второй статьи 49 и статьями 237, 244 и 248 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

103. Определение Конституционного Суда РФ от 31.03.2022 г. № 754-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Анищенко Олега Сергеевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 49, статьей 448 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и статьей 8 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

104. Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 12.05.2022 г. № 59-УД22-5сп-А5 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

105. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 02.10.2024 г. № 77-3253/2024, 77-3707/2024, 77-3708/2024 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

106. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 21.01.2025 г. № 77-54/2025 (УИД 03RS0033-01-2023-001212-86) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

107. Основные принципы, касающиеся роли юристов (Приняты в г. Гаване 27.08.1990 – 07.09.1990 восьмым Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

108. Парфенова М.В. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России. М., 2004. 270 с.

109. Попов А.М. Защитник, кто он: адвокат, юрист, близкий родственник? // Вестник экономической безопасности. 2019. № 3. С. 228-234.

110. Попов В.С. Субъекты уголовно-процессуальной защиты: «адвокаты» и/или «один из близких родственников обвиняемого или иное лицо» // Пробелы в российском законодательстве. 2013. № 6. С. 233-238.

111. Порядок изготовления, хранения и выдачи ордеров адвокатам (утв. Советом Федеральной палаты адвокатов РФ 04.12.2017 г. (протокол № 8)) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2018. № 1.

112. Порядок назначения адвокатов в качестве защитников в уголовном судопроизводстве (утв. Решением Совета Федеральной палаты адвокатов от 15.03.2019, протокол № 4) (ред. от 18.02.2021) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2019. № 2.

113. Постановление Конституционного Суда РФ от 17.07.2019 г. № 28-П «По делу о проверке конституционности статей 50 и 52 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Ю.Ю. Кавалерова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 5.

114. Постановление Конституционного Суда РФ от 25.10.2001 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности положений, содержащихся в статьях 47 и 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР и пункте 15 части второй статьи 16 Федерального закона «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений», в связи с жалобами граждан А.П. Голомидова, В.Г. Кислицина и И.В. Москвичева» // ВКС РФ. 2002. № 1.

115. Постановление Конституционного Суда РФ от 26.12.2003 г. № 20-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений частей первой и второй статьи 118 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой Шенгелая Зазы Ревазовича» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2004. № 1.

116. Постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с

жалобой гражданина В.И. Маслова» // Вестник Конституционного Суда РФ. 2000. № 5.

117. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2005 г. № 23 (ред. от 28.06.2022) «О применении судами норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих судопроизводство с участием присяжных заседателей» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2006. № 1.

118. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 25.06.2019 г. № 19 (ред. от 29.06.2021) «О применении норм главы 47.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2019. № 9.

119. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 30.06.2015 г. № 29 «О практике применения судами законодательства, обеспечивающего право на защиту в уголовном судопроизводстве» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 9.

120. Постановление Президиума Верховного суда Республики Саха (Якутия) от 19.06.2017 г. № 44У-44/2017 [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

121. Потапов В.Д., Будылин Н.В. К вопросу о запрете на представительство в суде лицу, статус адвоката которого прекращен // Адвокатская практика. 2024. № 4. С. 12-18.

122. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

123. Приказ Минюста России от 14.12.2016 г. № 288 (ред. от 09.08.2023) «Об утверждении требований к форме, порядку оформления и направления адвокатского запроса» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

124. Резник В.Ю. Теоретические основы и практика деятельности адвоката на предварительном расследовании: дисс. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 1998. 186 с.
125. Рыжаков А.П. Защитник в уголовном процессе. 3-е изд., испр. и доп. // СПС КонсультантПлюс. 2020.
126. Рыжаков А.П. Права, обязанности и ответственность защитника. Комментарий к статье 53 УПК РФ // СПС КонсультантПлюс. 2022.
127. Рябцева Е.В. Деятельность и положение суда в состязательном уголовном судопроизводстве: дис. .. канд. юрид. наук. Воронеж, 2005. 214 с.
128. Ряполова Я.П. Реализация лицом, в отношении которого ведется проверка сообщения о преступлении, права на защиту: проблемы уголовно-процессуальной регламентации // Адвокатская практика. 2024. № 4. С. 25-29.
129. Сибирцев Г.И. Обеспечение и реализация независимости адвоката-защитника в уголовном процессе: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2018. 34 с.
130. Смирнов К.В. О понятии «квалифицированная юридическая помощь» // Вопросы российской юстиции. 2021. № 16. С. 84-91.
131. Соловьева Ю.И., Смирнов А.М. Статус адвоката в уголовно-правовых отношениях при оказании юридической помощи осужденным // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2022. № 2. С. 37-40.
132. Стандарт осуществления адвокатом защиты в уголовном судопроизводстве (принят VIII Всероссийским съездом адвокатов 20.04.2017) // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2017. № 2.
133. Строгович М.С. Курс советского уголовного процесса. М., 1968. Т. 1. 560 с.
134. Судебные речи известных русских юристов. М., 1958. 920 с.
135. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (Ч. 1). Ст. 4921.

136. Устав Международного военного трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси [рус., англ.] (Принят в г. Лондоне 08.08.1945) [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс.

137. Федеральный закон от 08.08.2024 г. № 267-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 33 (Ч. 1). Ст. 4963.

138. Федеральный закон от 14.02.2024 г. № 9-ФЗ «О внесении изменений в статьи 131 и 132 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2024. № 8. Ст. 1036.

139. Федеральный закон от 17.04.2017 г. № 73-ФЗ «О внесении изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2017. № 17. Ст. 2455.

140. Федеральный закон от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ (ред. от 22.04.2024) «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23. Ст. 2102.

141. Фойницкий И.Я. Защита в уголовном процессе как служение общественное. СПб.: Типолит. А.М. Вольфа, 1885. 64 с.

142. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства. СПб., 1996. Т. 2. 583 с.

143. Фомин М.А. Сторона защиты в уголовном процессе (досудебное производство). М.: Юрлитинформ, 2004. 536 с.

144. Харзинова В.М. Правовой статус защитника в уголовном судопроизводстве // Социально-политические науки. 2019. № 4. С. 104-106.

145. Хвенько Т.И. Право защитника на свидание как обязательное условие для формирования эффективной позиции защиты в ходе предварительного расследования // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 10. С. 135-143.

146. Химичева Г.П. Досудебное производство по уголовным делам: концепция совершенствования уголовно-процессуальной деятельности. М.: Экзамен, 2003. 352 с.

147. Хомякова А.В. Особенности деятельности государственного обвинителя и защитника на судебном следствии в суде с участием присяжных заседателей: дисс... канд. юрид. наук. Краснодар, 2002. 189 с.
148. Чеботарева И.Н. Паритет обвинения и защиты в российском уголовном процессе // Адвокатская практика. 2018. № 6. С. 38-44.
149. Чеботарева И.Н. Участие защитника в доказывании по уголовным делам: к вопросу обеспечения состязательности процесса // Адвокатская практика. 2017. № 2. С. 54-58.
150. Чебышев-Дмитриев А. Русское уголовное судопроизводство по судебным уставам 20 ноября 1864 г. СПб.: Издание В.П. Печаткина, 1875. 240 с.
151. Шалумов М.С. Адвокат в доследственной проверке: условия участия в качестве защитника // Уголовный процесс. 2018. № 6. С. 26-31.
152. Шаповал А.Б. Проблема допуска адвоката-защитника к подзащитному на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2021. № 4. С. 51-56.
153. Щербакова А.А. О процессуальном статусе защитника в уголовном судопроизводстве на стадии предварительного расследования // Адвокатская практика. 2024. № 2. С. 17-20.
154. Элькинд П.С. Сущность советского уголовно-процессуального права. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1963. 171 с.
155. Юношев С.В. О соотношении права обвиняемого на квалифицированную юридическую помощь и права на защиту // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Юридические науки. 2018. № 2 (33). С. 52-56.
156. Юношев С.В. Тактические аспекты участия защитника в производстве следственных действий // В сборнике: Обвинение и защита по уголовным делам: исторический опыт и современность. Сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции, посвященной 100-летию со дня рождения профессора Николая Сергеевича

Алексеева. Санкт-Петербургский государственный университет; Под ред. Н.Г. Стойко. 2015. С. 571-581.

157. Юридическая энциклопедия / Под ред. А.В. Малько, С.Н. Туманова. Саратов, 2013. 980 с.

158. Якимович Ю. К. Участие адвоката в уголовном процессе // Уголовная юстиция. 2015. №1 (5) С. 82-83.

159. Ярцева Л.С. Деятельность адвоката-защитника по делам, рассматриваемым в суде с участием присяжных заседателей: дисс. ... канд. юрид. наук. Томск, 2005. 238 с.

160. Baldus Ch., Finkenauer Th., Rüfner Th. Juristenausbildung in Europa zwischen Tradition und Reform. Tübingen: Mohr Siebeck, 2008. S. 388.

161. Barton, S., Jost F. Die inhaltliche Neuausrichtung des rechtswissenschaftlichen Studiums: 5. Soldan-Tagung zur anwaltsorientierten Juristenausbildung 25. April 2003 in Bielefeld. Hamburg: Dr. Kovac, 2003. S. 158.

162. Brinktrine R., Schneider H. Juristische Schlüsselqualifikationen: Einsatzbereiche – Examensrelevanz – Examenstraining. Berlin: Springer, 2008. S. 144.

163. Greßman M. Die Reform der Juristenausbildung: Einführung, Texte, Materialien. Köln: Bundesanzeiger, 2002. S. 123.

164. Ischdonat Ja. Die deutsche Juristenausbildung unter dem Einfluss des Bologna-Prozesses: Eine kritische Analyse der aktuellen Reformmodelle. Göttingen: Optimus Verlag, 2010. S. 94.

165. Wille M.T. Recht auf wirksame Verteidigung // A. Kley, K.A. Vallender (Hg.): Grundrechtspraxis in Liechtenstein. Schaan: Verlag der Liechtensteinischen Akademischen Gesellschaft (Liechtenstein Politische Schriften, Bd. 52). P. 437.